

**СЕРГЕЙ
БУЛЫГА**

**АТРОДОН ШЕТ
СТРОСЮЖЕТ**

Яков медленно повернулся к Маркелу и сказал также медленно:
— Вот так боярин Андрей Федорович боярину Василию Ивановичу молвил: зарезался царевич Дмитрий. За-ре-зал-ся! — повторил по складам. Яков опять повернулся к своим. И один из них спросил:
— А отчего царевич вдруг упал? произнес Яков. — строго падучая, вот что. Шуйский об этом тоже спрашивал. И ему сказали, что с зимы, а раньше не было. И что государыня кричала, что извести хотят царевича, что напускают порчу, и что напускает Битяговский! — И, помолчав, добавил: — И вот за это его и убили. Это я про Битяговского...

Углицкое дело

Остросюжет

Сергей Булыга
Углицкое дело

«ВЕЧЕ»

2011

Булыга С. А.

Углицкое дело / С. А. Булыга — «ВЕЧЕ», 2011 — (Остросюжет)

ISBN 978-5-9533-5480-6

Ранним утром 26 мая 1591 года в Москву из Углича прискакал взмыленный губной дьяк Влас Фатеев и заявил стрельцам у Никольских ворот Кремля, что накануне в Угличе убили царева брата Димитрия. Гонца сразу отправили к Борису Годунову, и вскоре в Углич по личному распоряжению царя Федора Ивановича была направлена «следственная комиссия» во главе с боярином Василием Шуйским и думным дьяком Елизарием Вылузгиным... Известный писатель Сергей Булыга в своем новом романе предлагает интересную версию давних событий, превращая сухой текст исторических хроник в захватывающий политический триллер!

ISBN 978-5-9533-5480-6

© Булыга С. А., 2011

© ВЕЧЕ, 2011

Содержание

1	6
2	13
3	19
4	29
5.	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Булыга

Углицкое дело

© Булыга С.А., 2011

© ООО «Издательский дом «Вече», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

1

15 мая 7099-го года от Сотворения мира (или 1591-го от Рождества Христова) в удельном городе Угличе преставился царевич Димитрий Иванович. А если прямо говорить, так там было вот что: убили его Борисовы люди, Мишка Битяговский с товарищами. Или же, говорили другие, что поосторожнее, это царевич сам себя убил – играли в тычку, он упал горлом на нож и от него зарезался. Или вообще он не убился, говорили третьи, самые упрямые, и теперь, по их словам, в Углицком кремле в Спасо-Преображенском соборе лежит в гробу не он, а безродный подменьш, а сам сказанный царевич спасся. То есть спасли его верные люди, скрыли до поры в надежном месте, и пусть Борис теперь локти кусает! Вот что тогда на Москве говорили – натрое. То есть могло быть и так, и сяк, и этак, а вот как оно было на самом деле – это, говорили, знает только один Господь Бог. Но Господь Бог – он высоко и далеко, и он судить будет еще нескоро, а посему царь и великий государь Феодор Иванович, старший брат сказанного убиенного (или же счастливо спасшегося) царевича Димитрия, как только дошли до него эти слухи (через трех разных гонцов), вначале крепко закручинился, а после велел скакать в Углич и во всем доподлинно на месте разобраться, как оно на самом деле было. И поручил это боярину Василию Шуйскому, и сказанный Василий Шуйский со своими людьми в тот же один день собрался и поскакал (отъехал) в Углич...

Нет, всё было, конечно, не так просто, а так только, когда Шуйский уехал, между собой болтал подлый народ, который ничего толком не знал, да ему и знать не полагается. А на самом деле это начиналось вот как: поздним вечером 16-го мая уже сказанного 7099-го года прискакал в Москву из Углича губной дьячок Влас (Авласка) Фатеев, которому было строго-настроено наказано крепко держать язык за зубами и добиваться прямо к государю, и уже только государю говорить о том, что у них там случилось. И так Авласка и молчал почти что всю дорогу, и даже почти всю Москву. И уже только в Никольских воротах, то есть при самом въезде в Кремль, сказанного Авласку остановили стоявшие там на карауле стрельцы и стали допытываться у него, чего ему здесь надо. Авласка поначалу как мог отнекивался, нес что ни попадя, но после вскоре понял, что ему так в Кремль никогда не попасть, и сказал, что, мол, пустите меня, братцы, у меня наисрочное дело: у нас в Угличе беда, царевича зарезали, мне надо срочно к государю, мне приказано. То есть вот так прямо и брякнул! Стрельцы от таких слов сразу опешили, потому что больно уж Авласкина новость была непростая, а после все же опомнились и, правда уже без прежнего задора, продолжали: к государю, как же, обязательно – и повели Авласку под уздцы, не давая ему слезать с лошади, через ворота в Кремль. Авласка думал, что они ведут его в палаты государевы. Да и откуда ему было что знать, когда он в первый раз был в Кремле и он ни тамошних палат не знал, ни тамошних обычаев, а только слышал краем уха.

И как слышал, так оно и вышло: те никольские стрельцы привели его не к государю, а, ничего не говоря, прямо к государеву шурина Борису Годунову! То есть к тому, кто и послал убийц к царевичу! И это еще хорошо, думал Авласка, что он не был такой дурень, чтобы ничего не понимать, и поэтому когда его ввели вверх по лестнице и там завели в богатую просторную светлицу и велели ждать, он уже сразу почуял неладное! Не туда его ввели, он понял, не может того быть, чтобы вот так его, последнего раба, сразу допустили бы до государя!

Поэтому когда к нему в довольно скором времени вышел Борис Годунов (а он одет был просто, по-домашнему, ведь была уже почти что ночь), Авласка сразу пал перед ним в ноги, но при этом ничего не говоря. А Борис Годунов сел на лавку и сам начал его расспрашивать. То есть сперва спросил, кто он таков, и Авласка ответил, после спросил, кем он прислан, и Авласка сказал, что Иваном Мурановым.

– Кто таков Иван Муранов? – спросил Годунов.

– Наш губной староста, – сказал Авласка.

– Что он велел мне передать? – спросил дальше Годунов тем же простым негромким голосом. Но Авласке стало очень страшно, он поднял голову и посмотрел на Годунова (а Годунов смотрел и хмурился) и, ничего не говоря, перекрестился.

– Э! – усмехнулся Годунов. – Ты что это задумал, вор, ты меня перехитрить задумал?!

– Помилуй Бог, боярин, разве я посмел бы! – быстро-быстро отвечал Авласка. – Робею я, боярин, вот что. Дело, – продолжал Авласка, – больно страшное. – И уже громко, и как бы отчаянно добавил: – Убили нашего царевича, вот что!

– Ах, Господи! – воскликнул Годунов и широко перекрестился. – Ах, Господи! – сказал он еще раз и еще раз перекрестился. А после крутнул головой и повернулся к образам и губами вот так быстро сделал, и только после опять повернулся к Авласке и тихим голосом велел: – Рассказывай!

А Авласка смотрел на него и молчал, и думал: кто это такой, не Годунов ли? А почему он так подумал, как он после объяснял, так потому что на кого еще было думать, ведь же кто тогда не знал, у кого вся власть в Москве?! У Годунова, у кого еще! Кто бы еще посмел-решился перехватывать гонца с такой страшной вестью? Но, тут же подумал Авласка, если он сейчас хоть одно лишнее словечко брякнет, после не найдет его никто и никогда! И он еще губы облизал, а после сказал так:

– Я сам ничего не знаю, боярин! Я тогда сидел дома, обедал, как вдруг слышу: загремел набат! А после почти сразу вижу: уже по моему двору идет ко мне мой староста Иван Муранов, с лица очень красный. Я сразу почуял: дело дрянь! И только я встал из-за стола, а он уже входит, смотрит на меня звериным глазом и громко-грозно говорит: чего расселся, пес, царевича зарезали, а ты где был?! Я говорю: а здесь. А он еще громче: пес, пес, не здесь тебе надо сидеть, а скачи, пес, в Москву и скажи государю, что его братца любимого Дмитрия зарезали! Я говорю: как, когда?! А он еще страшнее выверился и кричит: вон, пес, во двор, я уже Никитке велел, он тебе уже коня привел, скачи и доложи, как велено! И я вышел во двор и как в чем был тогда, в том и сюда прискакал. Скакал со вчерашнего обеда.

Сказав это, Авласка замолчал и еще раз перекрестился, чтобы прибавить своим словам силы. Годунов, увидев это, усмехнулся. Тогда Авласка добавил:

– Не вели казнить, боярин, но мне было велено перед всеми молчать, а рассказать только самому государю.

– Кем было велено? – спросил Годунов.

– Иваном Мурановым, – сказал Авласка, – нашим губным старостой.

На что Годунов усмехнулся и так же с усмешкой добавил, что пусть Авласка не боится гнева старосты, потому что, он прибавил, скажешь, что государь в ту пору спал и поэтому ты, не решившись его тревожить, поспешил к боярину Борису, его шурина... И тут Годунов замолчал. А зато Авласка подскочил и ретиво воскликнул:

– А, а, я так и думал!

– Вот-вот! – сказал на это Годунов. – И дальше тоже крепко думай, и я тебя не забуду. А не будешь думать – тоже не забуду, но уже иначе! – И при этом опять усмехнулся и еще пальцем погрозил.

А после вдруг хлопнул в ладоши, вошел его человек, и он сказал человеку, что нужно всех поднимать, и государя тоже. Человек ушел. А Годунов встал с лавки и еще раз хлопнул, но уже иначе. Вошел иной человек, одетый сильно проще, и Годунов сказал ему, указав на Авласку, чтобы покормили этого.

И Авласку увели куда-то на поварню, и там сонный повар или кто еще из тамошних людей дал ему миску холодной каши, кусок дрянного хлеба и квасу запить. Квас был такой же, как хлеб. Но Авласка был крепко голодный, он быстро жадно ел, но все равно при этом думал, что никогда бы не подумал, что его в царских палатах будут кормить такой дрянью.

Но он так только думал, а вслух ничего не сказал. Да у него никто ничего и не спрашивал, и он сидел в том закутке, всеми забытый, и уже было даже начал думать, что он до утра никому не будет нужен.

Но тут опять пришел тот человек, который и привел его туда, и опять велел идти за ним. Они пошли. Шли они не очень долго, но очень хитрым ходом, то есть то вверх, то вниз по лесенкам, и из сеней в сени, и из светлиц в светлицы, пока не дошли до такой двери, возле которой стояли двое дюжих молодцов в высоких черных шапках и с бердышами на плечах. Тут они остановились, тот сильно простой человек что-то быстро сказал молодцам, что – непонятно, но молодцы на это сразу расступились и тот человек и Авласка (тот человек толкнул ту дверь) вошли туда.

А там было очень светло! Там же кругом были свечи! Их, может, было сорок штук, и все толстенные, и все ярко горели! И в этом ярком свете Авласка увидал перед собой (напротив) стол, а за ним сидели какие-то важные люди, и их было больше десятка. Как на иконе, подумал Авласка, он такую в церкви видел, подумал он дальше, а сам в это время продолжал смотреть на тех людей...

Но тут тот человек, который ввел его, теперь схватил его за шиворот и со словами «пес, пес» ткнул его мордой в пол. Только тогда Авласка спохватился и запричитал: «Царь, государь, отец родной, спаситель!», а после замолчал и замер, но головы уже не поднимал, не смел. А те за столом все молчали. И тот человек, который его ввел сюда, тоже молчал. Потом вдруг кто-то тихим голосом сказал:

– Ты кто такой?

Авласка поднял голову и опять, теперь уж неспешно, посмотрел на тот стол. Там и вправду сидели очень важные люди, бояре конечно, и среди них Годунов, этот сидел почти посередине, а рядом с ним сидел царь. Царя Авласка сразу узнал, и это было очень просто, потому что бояре все были простоволосые, без шапок, а царь сидел в шапке. Шапка у него была вся в алмазах и так и сверкала, а сверху на ней был крест, тоже весь в камнях. А сам царь из себя был вот какой: щечки кругленькие, сытые, борода редкая и стриженная коротко, губки сложены кротко, в улыбку, а глаза блестят. Это от слез, понял Авласка, это ему уже сказали, что его младшего брата убили, и он по нему скорбит...

И тут царь опять тихо спросил:

– Ты кто, пес, такой?

Авласка назвал. Тогда царь спросил, откуда он, и Авласка сказал, что он из Углича и что послал его сюда их губной староста Иван Муранов сказать, что злые люди убили государева брата Димитрия.

Вот так прямо и сказал: убили! Государь, услышав это, вздрогнул и посмотрел на Годунова. Годунов нахмурился и быстро глянул на Авласку, а после как бы осмотрел других бояр, но все они молчали и вообще как будто ничего не слышали. Тогда он (Годунов) опять посмотрел на Авласку, теперь уже неспешно, и так же неспешно спросил:

– Убили? Кто это?

– Я не знаю, – ответил Авласка, а сам весь похолодел от страха. Вот как Годунов умел смотреть! И он еще тут же спросил, опять неспешно:

– А если не знаешь, тогда чего мелешь?

Авласке стало совсем страшно. И он от страха же и брякнул:

– А я не мелю! А мне так сказали.

– Кто? – грозно спросил Годунов.

Эх, горько подумал Авласка, сказать, что не знаю, тогда здесь убьют, а сказать, что Муранов, тогда убьют там. И от этого сказал:

– Как кто?! Да Битяговский, кто еще!

– А! – громко сказал Годунов и сразу встал из-за стола. А все остальные бояре стали между собой переглядываться, но это тоже опять молча. Битяговский! Кто его не знал! А Годунов смотрел на Авласку и, кажется, сожрал бы его сразу, вот какие были у него глаза! А вслух он тоже ничего не говорил, как и бояре. Тогда царь похлопал глазами, а у него ресницы были вот такущие, а после спросил:

– Это Мишка Битяговский, что ли?

Авласка кивнул. Государь посмотрел на Годунова. Годунов на это только усмехнулся, опять повернулся к Авласке и сказал уже вот что:

– Юлишь ты, пес. Ох, юлишь! Ты же мне только что как рассказывал? Что ничего не знаешь! Что сидел у себя и обедал, и вдруг бьют в набат. Так ты был там или нет? Видел, где кого убили? А если не видел, то чего ты мелешь?! – продолжал он уже совсем громко.

Авласке стало холодно. Он перекрестился и сказал:

– Вот как Бог свят! Ничего я не видел! Ванька Муранов пришел и сказал: убили нашего заступника, скачи, пес, в Москву и скажи государю, пусть пришлет стрельцов и пусть стрельцы ищут злодея!

– Какого злодея? – спросил Годунов, и это уже улыбаясь. – Ты же сказал, что убил Битяговский, так что его тогда искать?!

Сказал и даже подмигнул с улыбочкой. Авласку как огнем ожгло! И он сказал будто раздумчиво:

– Ну, Битяговский или кто, кто знает! Я там не был. И Муранов говорил, что не был. Он говорил, что ему так сказали. А дальше сказал, что кто знает! Может, сказал, и не убили, а может, сам убился. И после сказал: а ты скачи в Москву, Авласка, скажи государю, государь сам разберется, это же его младший любимый брат, он же брата не оставит.

Сказал и выдохнул. И незаметно, мелко перекрестился. И также глянул на тех за столом. Те молчали. Государь опять моргал глазами. Потом вдруг сказал:

– Как убился! Сам, что ли?

– Сам! – отчаянно сказал Авласка.

Годунов молчал, смотрел как каменный. Государь опять спросил:

– Как сам?

– Ну, я не знаю, я там не был, – осторожно ответил Авласка. – Не видел. Но мало ли! Может, упал на нож и накололся насмерть.

– Отчего это упал? – тут же быстро спросил Годунов, и это почти что со смехом. И так же со смехом добавил: – Он что, пьян, что ли, был?

– Зачем пьян? – сказал Авласка. – А мог просто упасть. От падучей.

– Падучей! – сказал кто-то за столом, а кто, Авласка не успел заметить.

А государь тихо сказал:

– Какой падучей?

– Ну! – только и сказал Авласка и даже поднял руки, но и тут же опустил.

И все молчали. Молчали они очень страшно. Тогда Авласка облизал губы раз, два, а потом опять стал говорить:

– А, может, и не убился совсем. Может, Муранов напутал. И в набат ударили тоже напутавши. Потому что мало ли кого убили! Там же, вы бы только видели, сколько их там, малышня этого, по двору бегают! Ему же было скучно одному, и их же там набрали вон сколько! Бывало, придешь, а их там как татарвы, и он у них коногоном. Так что могли и не его убить, а по ошибке другого. А он увидел такое и спрятался. Он же смысленый был, ого! А эти дурни – в набат! А Муранов, тоже дурень, ко мне. И меня к вам. А он жив, здоров, на крылечке сидит, орешки щелкает и скорлупой на нас поплевывает.

– Э! – грозно сказал Годунов. Авласка сразу замолчал. Годунов спросил:

– А почему орешки?

– А он до них очень охоч, – сказал Авласка.

Годунов пожал плечами и посмотрел на государя. Государь улыбнулся и сказал:

– Шутовство какое-то. – После чего посмотрел на Авласку, потом опять на Годунова и продолжил: – Но и оставлять это нельзя. Поэтому вот что, Борис. Ты, Борис, поручи это кому надежному. Вот хоть бы... – И тут он посмотрел сперва направо от себя, после налево, а после сказал: – А вот хоть тебе, Василий. – И указал, на какого из них, потому что там был не один Василий.

Тот, на кого указал государь, встал за столом. Это был еще совсем не старый человек, сам из себя сухой, высокий и лицом такой же долголицый. И не было на том лице никакой радости, а была одна печаль. И так же с печалью он сказал:

– Как прикажешь, государь.

Вот что сказал тогда Василий Шуйский, а это был он, как после узнал Авласка.

А тогда сразу он там уже ничего не узнал и ничего не сказал, потому что государь вдруг отвернулся от Шуйского и опять посмотрел на него, на Авласку, и сделал рукой от себя. Теперь уже Авласке объяснять было не надо, что он теперь должен делать, а он сразу сам вскочил с колен и задом-задом вышел из той горницы, а тот человек, к нему приставленный, быстро пошел за ним. И дверь сама собой сперва перед ними открылась, а после так же закрылась.

А дальше было так: тот человек опять повел Авласку, но теперь уже совсем не далеко, а только вниз по лесенке, а там запихнул в какой-то темный чулан и сразу замкнул его.

В чулане было пусто, была только одна голая лавка при одной стене да в самомверху окошко в ладошку. В окошке была тьма. Авласка лег на лавку и очень крепко закручинился. Эх, думал он, чего это он так перепугался и намолол чего ни попадя. Надо было правду говорить! А теперь ему несдобровать, думал Авласка дальше, не выбраться ему отсюда, и зачем он только сюда ехал, ведь мог же не ехать! Да только что теперь! И Авласка перестал кручиниться, а перелег на спину, закрыл глаза и стал вспоминать все молитвы, какие он знал, и их тихонько вслух читать. Но таких молитв отказалось немного, и Авласка вскоре замолчал. Но молчать было еще страшней, и он стал читать молитвы заново. А после еще раз. А после еще.

Но только когда в окошке начало виднеть, вдруг резко открылась дверь (а Авласка вскочил с лавки, а то он дремал) и в чулан вошли почти целой толпой дьяк, за ним его подъячий, за ними стрелец с огнем, после еще стрелец, этот уже с пищалью, и еще какой-то служка непонятно для чего. Авласка стоял не шевелясь и только глазами зыркал. А дьяк, очень важный с виду, может даже думный дьяк, велел стрельцу с огнем выйти вперед и осветить как следует. Стрелец вышел и стал светить Авласке прямо в глаза. А дьяк еще сказал:

– Не щурься!

Авласка стал не щуриться.

– Га, хорош! – сказал дьяк насмешливым голосом. – Я так и думал, что вор! – После чего велел встать в угол и указал, в какой. Авласка встал туда. А думный дьяк сел на лавку, рядом с ним сел подъячий и положил дощечку на колени, а на дощечку бумагу и приготовился записывать. Авласке стало жарко-жарко, и он стал про себя молиться Богородице.

Но домолиться не успел, потому что думный дьяк стал спрашивать. Спросил, как его звать, и Авласка ответил. После ответил, сколько ему лет, и где живет, и где служит, и сколько у него детей, и что его раньше не судили.

– Га! – сказал думный дьяк весело. – Не судили, а теперь засудим! – И продолжал уже без смеха: – Слушай внимательно, Влас, потому что это про тебя: за небрежения в службе и за лживые речи твои, а особливо за поносные слова на его брата, это про орешки, государь велел тебя казнить: сперва отрубить ноги, после руки, после голову, а после вынести все это на задний двор и бросить псам на съедение!

Вот так! Авласка молчал и только чувал, как у него по лбу течет холодный пот, но утираться не смел. Тогда думный дьяк усмехнулся и продолжал уже не так свирепо:

– Но государь, Влас, милостив, и он сказал: спросите у него, у вора этого, как оно было на самом деле, и если правду скажет, то отрубите только ноги, и то только по колени, а руки и голову велел не трогать.

Вот что сказал думный дьяк! А после глаза прищурил и спросил:

– Ну, что, будешь признаваться?

Авласка тихо сказал:

– Буду. – И попросил воды. Служка сбегал за водой. Авласка выпил, облизался и начал рассказывать. И рассказал теперь вот что:

– В ту ночь перед всем этим у нашего младшенького зубки резались и он орал неумолчно и мы глаз до утра не сомкнули. А после я ходил на службу, и там тоже было много мороки. А после я пошел домой обедать. И вот когда я уже дообедывал, в кремле ударили в набат. Жена перепугалась, спрашивает: что это? А я говорю: пожар, наверное, и дальше ем. А там в кремле били, били, а после стали бить везде, уже и на посаде. А я, был грех, даже в окно не выглянул, а дообедал, лег и сказал не будить. Потому что я же ночь до этого не спал! Но и тогда, днем, когда били в набат, тоже было не заснуть никак. Эх, думал я, когда ворочался, как же там крепко горит, наверное, а не вставал. Но после думаю: нет, так не годится, потому что так все равно не заснуть, а только после будут меня жрать за то, что не пришел. И тогда я встал и вышел. А набат уже почти затих. Я шел к кремлю и не спешил и думал, что, может, зря иду, может, там уже все потушили, да и дымов нет нигде, может, повернуть обратно? Но нет, вижу, все идут к кремлю, и все даже бегут! Это было видно впереди, я же живу почти что на самом конце Богоявленки, а это почти при Московской дороге. А кремль вон где, на берегу, у Волги. И я иду. И вдруг вижу: скачет мне навстречу наш губной целовальник Никитка Черныш на мурановской кобыле Клуше. А Муранов – это наш губной староста. А Никитка на его кобыле. Что такое?! Это я так тогда подумал. А Никитка уже подскакал, остановился и говорит дурным голосом: Влас, тебя мне сам Бог послал! Тебя, говорит, Муранов ищет! А сам с кобылы спрыгивает. И еще сует мне повод и говорит дальше, аж захлебывается: Муранов говорил, чтоб я нашел тебя и передал, чтоб ты живо скакал в Москву, Авласка, и рассказал там государю все как есть, что у нас здесь приключилось! И уже кричит: садись! И вот так кулаком замахнулся! И я оробел и сел, и уже только тогда спросил, что случилось. Великая беда, сказал Никитка, убили нашего царевича, вот что. И еще в сердцах сказал: зарезали! Как, кто? – спросил я. Кабы кто знал, сказал Никитка, там же такая замятня сейчас! Народ кинулся искать, кого убить в отместку! И уже кого-то, говорят, убили. И прибавил: эх, Авласка, счастье-то тебе какое привалило, тебе теперь вон куда, в Москву, а мне здесь оставайся и, может, самого сейчас убьют, народ же зверь! И опять грозно сказал: гони! И я не сдержался и погнал. И так гнал до самой Москвы.

– На той же Клуше? – спросил думный дьяк.

– Нет, – сказал Авласка, – куда ей, три раза лошадей менял, низкий поклон добрым людям.

Думный дьяк кивнул на это, как бы соглашаясь, а после спросил:

– А почему ты прежде говорил на Битяговского, а теперь уже не говоришь? Что, наговаривал тогда, при государе?

Авласка помолчал, после сказал:

– Не наговаривал. А это просто Никитка сказал, а я сейчас забыл прибавить, что люди в кремле говорили, что это Битяговские зарезали: старший за руки царевича держал, а младший бил ножом. Но, – тут же прибавил Авласка, – Никитка сказал, что это только такой слух, потому что кто-то же зарезал!

– А что, он зарезанный был? – спросил думный дьяк.

Авласка помолчал, поморщился, потом сказал:

– Я этого не знаю. Я, боярин, тогда крепко напугался. И я ехать не хотел, а это все Никитка напутал.

На что думный дьяк усмехнулся и сказал:

– Да, верно, это же ему ехать надо было, ему, чую, Муранов это приказал, а он тебя, дурня, послал вместо себя, а ты, дурень поехал.

– Да как же так! – громко сказал Авласка. – Не вели меня казнить, боярин, да я государя нашего больше чем отца родного почитаю, да пусть он мне не только ноги рубит, да пусть, боярин...

Но тут думный дьяк махнул рукой, Авласка сразу замолчал, после чего думный дьяк продолжил уже вот как:

– Я не боярин, а я думный дьяк. Думный я потому, что сижу в думе. Выше меня сидит царь, ниже меня – бояре. Если бояре что-нибудь хотят сказать царю, то сперва говорят мне, а уже я передаю наверх. И так же царь, когда хочет сказать боярам, то сперва говорит мне, а я уже после говорю боярам, которые сидят ниже меня. Все ниже! А ты мне: боярин, боярин!

Авласка молчал. Тогда думный дьяк продолжил уже вот как:

– Но нам теперь не до бояр. А вот что слушай: государь мне тебя поручил и сказал, что если у меня нет в этом такой спешной надобности, то ноги тебе можно не рубить пока что, а сперва отвезти тебя обратно в Углич и там на месте проверить, лживы были твои слова или нет. И вот мы теперь туда и поедem. И это прямо сейчас!

После чего он встал с лавки и сразу пошел к двери. И все, и Авласка с ними, пошли за ним следом.

2

Но так сразу уехать им не получилось, потому что, когда они только вышли из палат во двор (через заднее крыльцо, конечно), их там уже поджидали. То есть поджидал всего один какой-то человек. Но все равно думный дьяк (а это был Вылузгин Елизарий, так и будем его дальше называть) при его виде сразу очень сильно помрачнел, велел всем стоять, а сам прошел дальше вперед и громко спросил:

– Чего тебе?

Тот человек ему не очень низко поклонился и быстро сказал что-то негромкое и краткое. Вылузгин сразу сменился в лице, взял того человека под локоть, они отошли в сторонку и начали чуть слышно переговариваться. А после тот ушел, а Вылузгин вернулся и будто бы веселым голосом сказал Авласке:

– Свезло тебе, злодей, бояре еще совещаются, что с тобой делать, так что еще маленько поживешь! – После чего повернулся к стрельцам и уже очень серьезно продолжил: – Смотрите за ним зорко, ироды, а я сейчас буду обратно! – И ушел.

И пропал до самого полудня. Стрельцы стояли, а Авласка сидел. Стрельцы вначале были очень злы и говорили, что не сносить ему головы, и смеялись, и говорили дальше, что и угличским всем тоже не сносить, потому что это же где такое было видано, чтобы дали убить царевича, царского братца! И еще много другого гадкого они говорили, стращали, как только могли, а Авласка знай себе помалкивал. Эх, думал он при этом, прав был думный дьяк: обманул его Никитка, это Никитку послали в Москву, а он его, дурня, увидел и послал вместо себя, а он, дурень, согласился и поехал! А теперь, думал Авласка дальше, вернется он обратно в Углич или нет – это еще неизвестно, потому что мало ли что думный дьяк сказал, что надо ехать, а вот не поехали, передумали бояре, вот что, или даже Годунов сказал: убили, вот как славно, давно я ждал, когда его убьют, и вот наконец убили! А что, думал еще Авласка, у них в Угличе многие так про него говорили, случалось... Ну, и так далее еще немало чего думалось, а вслух Авласка молчал и на стрелецкие речи ни одного словечка не ответил. И даже когда они перестали стращать, потому что самим надоело, а сели с ним рядом и стали, уже с лаской, на разные лады у него выпрашивать, что же у них там такое случилось и как такое могло быть, Авласка опять по большей части помалкивал, и только если уже особенно сильно они на него наседали, то неизменно отвечал, что ничего толком не знает, а что он и в самом деле сидел дома и обедал, а после лежал и подремывал, а после велели ему ехать – и он поехал. Но стрельцы ему, было видно, не верили. А время шло! А день был жаркий. А они сидели на задах царских хором, рядом с хлебным дворцом (не дворцом, конечно, а амбаром, но у царей всё дворцы) и уже больше молчали и просто смотрели через реку на цветущий государев сад, а дальше за ним были видны дома, дома, дома до самого края, казалось, земли. Вот какой здоровущий был город Москва!

А потом, когда уже обедня кончилась и уже полдень отзвонили, вернулся Вылузгин. Он опять был как будто веселый и сказал, что их дело сделалось и им уже даже дали лошадей, и сказал идти за ним. Они (а это Авласка со стрельцами) пошли за ним. Но там, в еще одном дворе уже между другими дворцами, кормовым и сытным, то есть возле государевых конюшен, они опять ждали, Вылузгин куда-то уходил и приходил обратно, гневался, после смеялся, после опять гневался и уходил... А после, когда солнце уже заметно опустилось, то есть уже часа через три пополудни, он опять к ним пришел и как ни в чем не бывало сказал, что давно пора садиться, чего они ждут! И еще раз повел их дальше, теперь уже близко, за угол, и оказалось, что там и в самом деле уже все в сборе и только их и ждут.

А в сборе это были вот кто: сказанный боярин Шуйский Василий Иванович со своими людьми, и окольный Клешнин Андрей Петрович со своими, и Сарский и Подонский митро-

полит Геласий со своими чернецами тоже, то есть вот их было сколько! Да, и еще стрелецкий голова Иван Засецкий со своими же, и эти тоже конные. Но Авласка их тогда не знал почти что никого, и поэтому когда он их всех сразу вместе увидел, то очень крепко оробел.

Но долго ему робеть не дали, а велели садиться, он сел, впереди задудели в рожки, и они все вместе тронулись. И уже проехали шагов с десятка два, как впереди вдруг затолпились, затеснились, а после совсем встали. Это, как позже выяснилось, Шуйский вдруг остановился, осмотрелся и спросил:

– А где Косой?

– Какой Косой? – спросили у него.

– Как какой! – гневно воскликнул Шуйский. – Тот самый, вот какой!

И, сказав это, еще раз оглянулся и даже привстал в стременах. И тут как раз из-за угла вышел обычный человек, одетый очень просто, увидел их и повернул в их сторону и быстро пошел, почти что побежал их догонять.

– О! – сказал Шуйский. – Это он! – И отвернулся, и тронул коня, и они все поехали дальше.

И тот, который их догнал, тоже поехал. У них же коней был недостаток, ему дали пегого, сказали, что это Мухрышка, и он поехал вместе с ними. Зовут его Маркел, он так сказал, а больше никто ничего у него не спрашивал, и он ехал в общей толчее, держался людей Шуйского, и понапрасну рта не разевал совсем.

Да, и еще: он был никакой не косой, а смотрел прямо и ясно, и мог смотреть долго, и при этом глаз совсем не отводил, и они у него не косили. Просто когда он смотрел, то почему-то было непонятно, он смотрит только на тебя или еще куда-нибудь. Вот такой у него был необычный взгляд! И, наверное, поэтому Шуйский (от других, конечно, слыша) назвал его Косым. И еще почему-то очень беспокоился, почему он не идет. Зато когда он пришел, Шуйский сразу отвернулся и после, сколько они в тот день ни ехали, ни разу на него не обернулся. И это, думал Маркел, хорошо, и на глаза боярину не лез, то есть вперед не выезжал и, не приведи Господь, не кланялся, а скромно ехал сзади в толчее, как об этом уже говорилось. И сам, как и вокруг него все остальные, помалкивал. А если кто и заводил где разговор (только вполголоса, конечно), Маркел к нему не прислушивался. Потому что он и без того всё знал! То есть знал он и историю Авласки, как будто тот ее сам ему поведал, и даже знал, почему они так поздно собрались в дорогу. Это, как ему сказал один знающий человек, случилось из-за того, что Шуйский бы поехал сразу, и даже когда ему сказали, что ему дают в подмогу Вылузгина, он и на Вылузгина тоже сразу согласился. Но тут ему еще прибавили, то есть передали от Годунова, что ему надо еще взять с собой князя Туренина. Тогда Шуйский сказал: не поеду, кто он такой – Туренин, для меня это бесчестье. Тогда ему сказали: ну, тогда бери или кого из Сабуровых, или кого из Вельяминовых. А те и другие, равно как и князь Туренин, были люди Годунова. И Шуйский, больше ничего не говоря, собрался и уехал, он сказал, к себе домой обедать. То есть в Китай, в Подкопаево. И как уехал, и как пообедал, так после там же и лег отдохнуть по древнему обычаю. А время шло! Тогда к нему приехал сам Туренин, тот самый, и сказал:

– Не заносись, Василий, тебя по добру просят, не жди, когда будут просить иначе, и я не за себя прошу, потому что не хочешь меня, так пусть тогда едет Клешнин.

– Андрей? – спросил Шуйский.

– Андрей, – сказал Туренин, – государь за Андрея просил, или ты и государя не уважишь?

Андрей Клешнин был дядька, воспитатель государев, государь его с юных лет крепко жаловал, Клешнин был человек государев и только уже после годуновский. Шуйский подумал и сказал, что с Клешниным он поедет. И стал собираться.

А вот теперь они уже все вместе, то есть Шуйский, Клешнин и Вылузгин, все со своими людьми, и митрополит со своими, и Иван Засецкий со стрельцами, подъезжали уже к Сретенским воротам и на них со всех сторон смотрел народ и понимающе помалкивал. Эх, думал

Маркел, а ведь они все уже знают, что царевича зарезали, и если даже им теперь хоть кто любой скажи, что не зарезали, а сам зарезался, ведь не поверят же!

Но это он так только думал, а вслух ни словечка не сказал. И вот они уже выехали из Москвы и, всё быстрее и быстрее, поехали по Переяславской ямской дороге, и всё это молча. Только порой вдруг кто поругивался, когда вдруг конь оступался, если попадал в колдобину. А колдобин было много, это верно. А все они были конные, и только один митрополит ехал в возке. Когда возок застревал, его скопом толкали. Шуйский каждый раз на это гневался, потому что он очень спешил и говорил, что они будут хоть всю ночь ехать, а остановятся только в Александровой Слободе. В Александровой, ого, думал Маркел, погоня Мухрышку, да чтобы до нее доехать, тебе, боярин, надо было сразу соглашаться на Туренина и тогда же сразу выезжать!

Но это он, опять же, так только думал, а вслух помалкивал. И гнал Мухрышку, гнал. Мухрышка был уже весь в пене, а бежал и не отставал от других. Хоть у всех других были сменные кони, а то и по два, и они их меняли, а Маркел гнал Мухрышку и гнал, уже стемнело, а после стало совсем темно, а Шуйский знай себе порывивал: гони, гони! И гнали.

Но все равно не по Шуйскому, а по-людски, как говорится, вышло. То есть вдруг Клешнин взмолился, что у него схватило спину и он не может больше ехать, и тогда Шуйский его пожалел и велел сворачивать к ночлегу, тем более что они тогда как раз были уже невдалеке от Троицкой Лавры.

Когда они туда, к Лавре, подъехали, время было уже совсем позднее, почти что полночь, отец настоятель (Киприан) давно уже спал, но всё равно их, то есть Шуйского и всех его людей, а особенно митрополита, встретили с великим почетом – провели всех сразу в трапезную и там им нашелся перекус на скорую руку, но сытно, а после Шуйский и его советчики (Клешнин и Вылузгин) и митрополит Гелассий были проведены в отдельные палаты, а всех остальных определили в малый братский корпус на нижний этаж, то есть туда, где обычно принимают простых богомольцев. И там всех начали селить по кельям.

А Маркел не стал селиться. Маркелу и спать не хотелось, и, что еще важнее, ему очень хотелось проведать Авласку и с ним поговорить, поспрашивать его о том о сем. А то, думал, что это ему чужие пересказы!

Но Авласку сторожили строго! Возле него весь день (в дороге) всегда были стрельцы, хотя бы двое. А тут, когда Маркел к нему подошел, возле него еще оказался и сам стрелецкий голова Иван Засецкий. И этот Засецкий сразу сделал вот что: сперва одной (левой) рукой сделал знак своим людям, чтобы они живо убрали Авласку с глаз долой, а после второй приветливо махнул Маркелу и тут же сказал:

– О! А я тебя знаю! Тебя Маркелом звать.

– Угадал, – сказал Маркел безо всякой радости.

– И я тебя за Камнем видел! – продолжал стрелецкий голова. И тут же спросил: – Помнишь меня?

– Я? – спросил Маркел как будто очень удивленно. – За Камнем! Вон куда хватил! Нет, я там не был.

Стрелецкий голова обиделся, нахмурился, еще раз осмотрел Маркела и сказал:

– Нет, видел!

На что Маркел только хмыкнул.

– Ладно! – сказал стрелецкий голова. – Не хочешь говорить, не надо. Да, может, тебе и нельзя. – После чего, и уже не сердито, спросил: – А здесь ты чего делаешь? Ты теперь чей?

– Я, – ответил Маркел, усмехаясь, – ничей.

– Э! – сказал стрелецкий голова. – Ничьих на свете не бывает!

И замолчал, и осмотрелся. Никого рядом с ними не было, и была ночь, и они стояли на крыльце. Стрелецкий голова еще раз осмотрелся, а после сел прямо на верхнюю ступеньку и

снизу вверх посмотрел на Маркела. Тогда сел и Маркел. Стрелецкий голова еще раз осмотрел его, усмехнулся и сказал с большим значением:

– Служба!

Маркел кивнул. Стрелецкий голова спросил:

– Небось, хотел Авласку допросить?

– А что его допрашивать, – сказал Маркел, – он и так уже всё рассказал.

– Да, это верно, – сказал стрелецкий голова. – Да и чего он знал?! – сказал он дальше.

После чего еще раз осмотрелся и сказал уже чуть слышным голосом: – Второй гонец знал много больше!

– Второй? А что он знал? – спросил Маркел.

– Скоро узнаешь! – сказал стрелецкий голова и усмехнулся.

– Га! – насмешливо сказал Маркел, этим давая знать, что он не верит.

– Га! – повторил стрелецкий голова очень сердито. И так же сердито, но тихо добавил: – Что царевич! Горькое дитя! А вот царева дьяка убили, вот что!

– О! – только и сказал Маркел.

А стрелецкий голова еще быстро добавил:

– И двоих подьячих! И губного старосту! И мамку-кормилицу! И дядю, Афанасия Нагого! И еще пятьдесят человек!

– Ну! – громко воскликнул Маркел.

– Вот и не ну! – передразнил его стрелецкий голова свистящим шепотом. – Убили и в ров побросали. Вот так! И еще дали знать в Ярославль, и там тогда убили еще больше! А завтра будут бить в Москве! Попомни мое слово!

Маркел не удержался, хмыкнул и еще прибавил:

– Тогда куда мы едем? Надо было в Москве оставаться!

– В Москве, – сказал стрелецкий голова, – и без нас силы достаточно. В Москве им быстро рога обломают. А зато ни в Угличе, ни в Ярославле нет никого наших! Или ты думаешь, что меня просто так с вами послали? А мой брат?!

– А что твой брат?! – спросил Маркел.

– А брат еще утром ушел, – сказал стрелецкий голова. – Мой родной брат, Тимофей. И с ним тоже сотня! Смекаешь? Брат уже, может, там!

Маркел задумался, после принялся. От стрелецкого головы шел крепкий медовый дух. Маркел еще принялся, и это уже не таясь. Стрелецкий голова обиделся, встал и в сердцах сказал:

– Дурень ты, Маркел, ох, дурень! За Камнем ты был поумней! – И развернулся, и ушел в дом.

И стало тихо. Маркел сидел на ступеньках и смотрел в небо. Небо было чистое, звездное. Звезды держались крепко, ни одна из них не падала. А еще Маркел думал над словами стрелецкого головы о том, что в Угличе и Ярославле бунт и там много людей побито. Верить такому или нет, думал Маркел дальше. Стрелецкий голова не врет, конечно, что ему сказали, то он ему и передал. А почему вдруг передал? Да потому что невтерпеж с таким ходить, когда никто кроме него не знает, может, даже Шуйский тоже, потому что гонец был не царский, а годуновский, конечно, у Годунова же сейчас вся сила! Ну да и ладно Годунов, в сердцах дальше подумал Маркел, а вот стрелецкий голова какой прилипчивый! Он его за Камнем видел! Ну и что?! За Камнем теперь тоже наше царство!..

Подумав так, Маркел поморщился. Не любил он вспоминать о том, где он бывал раньше и что где и кого видел. И он опять стал смотреть в небо и думать уже вот что: как хорошо здесь, в Троице, тишина и благолепие, хорошо, что дальше не поехали, потому что в Александровой Слободе им так хорошо бы не было. Эх, вспомнил давнее Маркел, бывал он и в Слободе, и бывал не раз, а теперь перекрестился и не хотел, а все равно вспомнил дальше, как спустили на

него медведя и он от него чуть отбился, а царь смеялся и плескал в ладошки, как дитя. Царь, еще раз подумал Маркел, покойный царь, когда он умер и отнесли его в собор, все они тогда жарко молились, как бы он вдруг не ожил. Вот где был страх так страх! Маркел даже мотнул головой, чтобы больше об этом не думать...

Но покойный царь его не отпускал! Тогда Маркел резко встал, повернулся к куполам собора и широко на них перекрестился, прочел Отче наш, еще раз перекрестился, развернулся и пошел обратно в корпус, в сенях на ощупь, как слепой, нашел ведро и ковш, напился и так же в полных потемках пошел дальше. Шел на храп. На храп же нашел дверь, а дальше, где лежали на соломе плотно, как поленья, протиснулся как мог и растолкал где мог, после лег на спину, зажмурился (теперь храп был со всех сторон) и в больших сердцах подумал: при царе Иване так крепко не спали, разбаловался народ! И, еще раз перекрестившись, опять стал думать о стрелецком голове и о его словах – и мало-помалу заснул.

Следующий день прошел быстрее, даже правильнее, проскакал, потому что рассказывать о нем почти что нечего. Утром встали на заре, перекусили и двинулись, точнее, поскакали дальше. Мухрышка стал прихрамывать, Маркелу стало его жаль, и на первой же остановке он подошел к дяде Игнату (так его все звали) и сказал, что ему нужен подменный конь.

– Ты кто такой?! – начал было выговаривать ему дядя Игнат...

Но потом вдруг, надо думать, вспомнил, что Маркел – это тот самый человек, из-за которого сам Шуйский вчера всех останавливал и ждал, и велел дать Маркелу коня. Теперь это был Птенчик. На Птенчике и на Мухрышке в перемену ехать стало много лучше.

После, и очень вскоре, они проехали Александрову Слободу. Теперь это, подумал Маркел, была совсем другая Слобода, не то что при покойном царе, теперь даже ее почти что не было, а были одни пустые дома и такие же пустые царевы хоромы. В Слободе они остановились только чтоб воды испить, как говорится, и сразу поехали дальше. И еще: в Слободе Шуйский у тамошних спрашивал (все это слышали), нет ли у них каких известий из Углича, и те сказали, что нет. И Шуйский и все остальные поехали дальше.

В Переяславле они были ближе к вечеру. Там их встречал уже сам тамошний воевода Иван Сицкий. Его же велением там были прямо на его воеводском дворе расставлены столы, и они все там быстро, на скорую руку, перекусывали. Шуйский, было видно, опять спрашивал, нет ли каких новых известий из Углича, и Сицкий ему на это что-то отвечал. Но что – неизвестно. И только уже после перекуса, когда они опять поскакали, коней не щадя, по рядам пошел слух, что Сицкий Шуйскому сказал, что наши стрельцы проехали на Углич еще утром.

– Что за стрельцы? – спросил Маркел.

– Да Тимошкины, – сказал подьячий Яков, с которым Маркел ехал рядом, – брата нашего Ивана, они вместе служат.

– Ага, ага, – сказал в ответ Маркел, а сам подумал, что стрелецкий голова и в самом деле не врал, он так и думал, так что вполне возможно, что в Угличе и в Ярославле вправду бунт, вот тогда будет забот и суеты! Но так он только подумал, а вслух, как всегда, ничего не сказал.

А там вскоре и совсем стемнело и они остановились. Ночевали они тогда почти что в чистом поле, потому что там была деревня из всего пяти дворов, места на всех не хватило, конечно, а только Шуйскому, его советчикам и их ближней дворне. А Маркел тогда пристроился на сеновале (почти что пустом, потому что был уже май месяц) вместе с тем самым Яковом, подьячим Поместного приказа, то есть человеком Вылузгина, и еще тремя другими такими же подьячими, приятелями сказанного Якова. Перекус был так себе. Но зато выпили! Поэтому когда легли, то не сразу заснули, а сперва завели пустой разговор о том да о сем, и чувалось, как они все мнутя и языкам воли не дают, потому что не знают, кто такой Маркел и что он здесь делает, а спрашивать его об этом не решаются.

Но после все же спросили! На что Маркел, усмехнувшись (а в темноте этого видно не было), ответил, что он княжий едчик, то есть еду пробует, если князь в ней отраву чует. Они такому не поверили, один из них даже спросил:

– А почему князь тебя сейчас к себе не спрашивает, почему ты сейчас здесь сидишь, когда князь за столом? А вдруг там кто дурное что задумает?!

– Значит, не задумает, – сказал Маркел. – Не чует князь отравы, вот и не зовет меня.

– А если позовет? – спросили.

– Тогда, – сказал Маркел, – пойду и на что укажут, того и отведаю.

– А если, – спросили, – там отрава?

– Ну что ж, – сказал Маркел, уже не усмехаясь, – мы к этому привычные, в брюхе поскворчит, поколет и отпустит.

– И всегда отпускает? – спросили.

– Почти всегда, – сказал Маркел. – Мы же, – повторил, – с детства привычные, мне хоть сейчас дай толченый мухомор – и я его съем. И поганку тоже съем, дай поганку.

Но ни мухоморов, ни поганок у них не было, и поэтому тогда один из них спросил:

– А если совсем крепкий яд, тогда что?

– Тогда мы тоже крепкие, – сказал Маркел. – У нас такая порода, нас яд не берет. – А после, помолчав, всё же прибавил: – Но случается, конечно, всякое. Тот, который до меня служил, дядя Трофим его звали, прослужил пятнадцать лет и только после помер. А я еще только восемь лет служу, значит, мне еще семь лет до срока. А это еще ого! – И хмыкнул.

А эти не хмыкали, просто молчали. Маркел тоже молчал. Но эти ничего уже больше у него не стали спрашивать, а только, было слышно, о чем-то между собой пошутукались. А после затихли. А после и совсем заснули. И так же сделал и Маркел.

Утром они все вместе дружно встали и, не помяная вчерашнего, перекусили (все смотрели, как он перекусывает) и поскакали дальше. И так, с малыми остановками, они скакали до полудня. В полдень им навстречу прискакал конный стрелец (из тех, которые выехали раньше), Шуйский его встретил, выслушал, а после повернулся к остальным и, уже не скрывая, сказал, что в Угличе был бунт, убили государева разрядного дьяка Михаила Битяговского, а с ним еще пятнадцать душ, всё верных царских слуг, но мы им уже сейчас покажем! И они все вместе поскакали дальше. И скакали так до вечера.

А вечером, уже почти перед самым закатом, может, за час, ну, за два до него, в полуверсте от сказанного Углича, на ямской переяславской дороге, они увидели большущую толпу народа, а впереди троих конных бояр, а сбоку сотню стрельцов, уже пеших, но всех с пищальями почти наизготовку. Га, подумал Маркел, как забавно!

3

Но никакой забавы дальше не было. А было вот что: в толпе вдруг задудели в рога, забухали в бубны, и всё это очень громко, а от города, и это еще громче, начали звонить в колокола. У них там очень складно получалось: сперва одни частили меленько: «Кто там? Кто там?», а после другие сердито: «Зачем пришли? Зачем пришли?», а после третьи совсем уже грозно: «Каз-нить! Каз-нить!», и опять сначала, и опять! Эх, думал, слушая, Маркел, а ведь так, небось, и будет, и тянул шею, и смотрел вперед, и чем ближе подъезжал, тем лучше видел тех троих бояр и думал, что это, конечно, Нагие, родня вдовой царицы. Двое тех, что помоложе, – это ее братья, Григорий и Михаил, а старший – это кто, думал Маркел, ведь старших Нагих тоже двое, и одного из них, Афанасия, Маркел однажды мельком видел, это когда царь Иван умер и тоже была замятня, и Афанасий был тогда в великой силе и чуть было всех не одолел, а этот, думал Маркел дальше, нет, не тот, а это Андрей Нагой, но тоже царицын дядя. Но рассмотреть его уже не получалось, потому что к тому времени они к ним уже совсем близко подъехали и передние перед Маркелом загородили Нагих шапками. И тут все остановились, и стало еще тесней и хуже видно. Но, правда, Маркел уже успел отъехать в сторону и поэтому его не затеснили и он всё, что хотел, рассмотрел.

А рассмотреть там можно было вот что: когда Шуйский остановился (а с ним и Клешнин, и Вылузгин с митрополитом тоже, и все со своими людьми), Нагие, дядя и племянники, сошли с коней и низко, большим поклоном поклонились, а после старшему из них, Андрею, служки подали хлеб-соль, и Андрей с хлебом-солью выступил, а младшие за ним, навстречу к Шуйскому, и еще раз остановились. Старший Нагой теперь смотрел прямо на Шуйского, а Шуйский смотрел на него, но с коня сходить даже не думал. Старший Нагой держал хлеб-соль и что-то говорил, но слов нельзя было расслышать из-за рогов и бубнов и колоколов, а Шуйский смотрел на Нагого и хмурился. Тогда старший Нагой замолчал и теперь просто держал перед собой хлеб-соль, а молодые Нагие стояли за ним. А за Нагими стояли попы и монахи, а дальше была уже просто толпа всех подряд. А время шло и шло. А колокола опять, уже который раз, звонили: «Кто там, кто там, зачем пришли, зачем пришли...»

И тут Шуйский махнул рукой, и мало-помалу смолкли бубны, затихли рога, а после также и колокола, и стало тихо. И только тогда Шуйский, даже немного вперед наклонившись, через старшего, спросил младших Нагих:

– А где ваша сестра?

Но младшие молчали, а ответил старший:

– А ей неможется. Ведь горе же какое! Ведь же единственный сынок, кровиночка, вот кого она лишилась!

– Лишились! Га! – грозно воскликнул Шуйский, глядя теперь уже только на старшего. – А вы куда смотрели?! Не уберегли!

Старший Нагой на это ничего не ответил. Тогда Шуйский спросил:

– А Афанасий где?

Ага, смекнул Маркел, нет здесь Афанасия, верно! И посмотрел на Андрея Нагого. Андрей Нагой, глядя на Шуйского, сказал:

– Он у себя сидит.

– Где это – у себя? – сердито спросил Шуйский.

– В Ярославле, на своем подворье, – ответил Андрей, усмехнулся и прибавил: – Как ему царь велел. А царская воля как Божья!

– А сообщали ему про царевича?

– Сообщали, – сказал Нагой, – как же, сразу, в первый вечер же!

– И что?

– Скорбит, – сказал Нагой отрывисто.

– И... – начал было Шуйский, но передумал, посмотрел на хлеб-соль, которые Нагой по-прежнему держал перед собой, и спросил уже не так громко: – И как там, в Ярославле? Тихо?

– А кому там шуметь? – как будто с удивлением спросил Нагой.

– А здесь? – быстро спросил Шуйский.

– Здесь тоже тихо.

– А говорили – шум! – сердито сказал Шуйский. – Говорили – государевых людей побили! Было такое, а?!

Старший Нагой молчал. И младшие Нагие тоже.

– Где Битяговский? – грозно спросил Шуйский. – Почему его не вижу?! – И тут же добавил: – Убили его! Чую!

На что старший Нагой сказал упрямо:

– Не убили! А покарали.

Шуйский свел брови, помолчал, а потом совсем не громко, но очень твердо сказал:

– Карают только Бог и государь. Ну и я, раб Божий, слуга царский, царской волей, если царь позволит. – И помолчал, и осмотрел Нагих. Нагие опустили головы. А он быстро сказал: – Поехали!

И он, а за ним и все его люди, и с ними и Маркел, разом тронулись дальше вперед. Опять задудели рога и загрели бубны, опять пошли звонить колокола, и так, впереди всех, Шуйский и въехал в город, а хлеба-соли так от Нагих и не принял!

Углич еще и тогда, до польского пожара, был город небольшой. Также там и вал, и частокол по верху вала, и въездные, так называемые московские, ворота тоже были невысокие. Также и Богоявленская улица, по которой все дальше поехали, тоже была нельзя сказать чтобы широкая или богатая. А тут она еще была пустая, то есть никого там вдоль заборов не стояло, так как народ, вышедший встречать приехавших за город, теперь шел немного сзади их и, как думал Маркел, обгонять их и не собирался. Ну еще бы, думал Маркел дальше, если здесь царева дьяка убили, то Ефрем здесь без работы не останется!

А Ефрем, к слову сказать, – это был здоровенный детина, заплечных дел мастер, лучший мастер на Москве, Шуйский на него очень надеялся, как говорили, а теперь он, то есть сказанный Ефрем, ехал в почти самом передку и грозно поглядывал по сторонам и жадно понюхивал ноздрями. Так они проехали по Богоявленской и выехали к Торгу. Торг тоже стоял пустой, или, может, они там попрятались, кто знает, думал Маркел, поглядывая по сторонам. Так же и дальше за Торгом, уже перед самым рвом налево, на кабацком дворе, тоже было никого не видно. В горло не идет, а как же, почти со злорадством подумал Маркел, отворачиваясь от кабака и глядя уже на кремль за рвом.

Углицкий тогдашний кремль был еще каменный и очень даже внушительный с виду, почти как московский. Да его так когда-то и строили похожим на столичный, чтобы Москва не очень заносилась, вспомнил Маркел чьи-то слова, въезжая на мост через ров, и быстро глянул вниз...

И увидел то, что и думал увидеть, – во рву лежали убитые люди, и их там было много, десятка два, никак не меньше...

Но сосчитать их Маркел не успел, потому что он уже проехал по мосту (а сзади все время напирали), и через так называемую Никольскую проездную башню въехал в кремль, и дальше поехал прямо к уже видневшимся впереди, сбоку от храма, царевичевым хоромам. Да, и сразу справа от Маркела тоже стояли хоромы, одни и вторые и третьи, но эти были попроще и, как после узнал Маркел, это были хоромы Нагих. А, ну, и вот что еще: эти хоромы были деревянные, а царевичевы хоромы были деревянные только с краев, а посередине были каменные, то есть, конечно, кирпичные, но кирпич крепкий как камень, на века поставлен, он и после польского пожара выстоял, а тогда был и совсем красавец!

И вот к этим каменным хоромам они все тогда и подъехали и сразу, конечно, спешились. Только Шуйский с Клешниным не спешились, и Шуйский, как Маркел услышал, спросил, где Мария. Ему что-то негромко с красного крыльца ответили.

– Как это так?! – грозно воскликнул Шуйский. – Я это что, сюда по своей воле ехал? Нет, меня государь посылал! А ей государь уже не государь, так, что ли?!

И он, наверное, еще бы долго гневался, но тут успели подъехать Нагие (а так они ехали сзади), и старший из них, Андрей (Маркел видел только его голову), приблизился к самому Шуйскому и стал ему что-то очень жарко и быстро-быстро говорить, и даже размахивать руками, что ему было уже совсем не в честь.

Но Шуйский это стерпел. Он даже сказал:

– А! Это вот как! Ну ладно. – И бросил поводья.

Поводья сразу подхватили, и Шуйский слез с коня. После Андрей Нагой повел его наверх по лестнице. А младшие Нагие повели один Клешнина, а второй митрополита. А Вылузгина повели, хоть и с почетом, но уже просто тамошние дворовые. А после дверь сверху закрылась, и это было всё. То есть больше никого наверх не звали, а дальше было вот как: пришел сбоку какой-то человек, сказал, что ему матушка-царица их всех поручила и что он здесь всё знает, и стал указывать вроде того, что этим сюда, а этим сюда, а лошадей туда ведите и так далее, и все стали расходиться кому куда было сказано. А о Маркеле ничего не говорилось, и он пошел за подьячими, потому что он их уже знал хоть немного и еще потому, что он же не холоп, которым было сказано, что их место вон там, под навесом, будто они свиньи, что ли, и они и пошли туда молча.

А подьячих, и вместе с ними Маркела, повели сперва направо, мимо второго крыльца, а там нужно было пройти еще немного и дальше были ворота во внутренний двор. Они вошли туда и по двору, теперь уже налево, прошли еще, и там их ввели в подклеть, а дальше почти сразу в еще одну дверь, и сказали, что это для них, они здесь будут жить, место сухое, теплое, всё рядом, да и им же ненадолго, правда же. Ну да и что тут было спорить! Хотя, конечно, сразу было видно, что это бывшая холопская и что ничего там, кроме голых лавок, нет. Но все были крепко уставшие с дороги и поэтому пока просто посели по лавкам, и Яков, как старший, строго велел подать перекусить. Эти сразу побежали исполнять, а Яков утер руки и сказал, что всякое дело надо сперва обдумать, и с этими словами достал ложку.

Но тут за ним пришли и, как сказали, увели к боярину. Так что когда принесли перекус (и запивку), пришлось перекусывать уже без Якова. Да, и еще: теперь, когда Яков ушел, у подьячих за старшего остался Парамон, и это он и предложил садиться, и все, и с ними и Маркел, сели к столу. Всего их, с Маркелом, было шестеро. Парамон сел во главе, Маркел сел с краю, а остальные – между ними. Челядницы накрывали быстро, ловко, на столе было всего, как говорится, Маркел смотрел на это и помалкивал, как и помалкивали все остальные. Когда же уже всё было накрыто и челядинцы вышли, тогда и их старший, который до этого просто стоял в стороне и приглядывал за порядком, теперь повернулся к Парамону и сказал вроде того, что не обессудьте, чем богаты, тем и рады, угощайтесь, гости дорогие, после чего сразу поклонился, а распрямившись, сразу повернулся уходить. Но Парамон тут же сказал:

– Э, погоди! – А когда тот остановился и повернулся к нему, он спросил: – Тебя как звать?

– Сазоном, – сказал тот.

– Садись с нами, Сазон, – предложил Парамон. – Будем вместе перекусывать.

– Так я на службе же! – сказал Сазон.

– Вот это и будет твоя служба, – уже строго велел Парамон, – Садись, кому сказал!

Сазон снял шапку, подошел к столу. Маркел подвинулся, Сазон сел рядом с ним, перекусился. Парамон насмешливо сказал:

– Выпей с нами, Сазон, не побрезгуй.

Они все взялись за чарки, а там было хлебное вино, Парамон важно кивнул, и они дружно выпили, до дна, конечно, и сразу начали закусывать. Парамон еще закусывал, когда уже спросил:

– Ты кем здесь служишь, Сазон?

– Сенным сторожем, – ответил тот и сразу перестал закусывать.

А Парамон еще спросил:

– Из самых царицыных сеней?

– Нет, не из самых, конечно, – ответил Сазон уже с опаской. – А я здесь, на этой стороне. – И сразу быстро добавил: – Я что! Я этого дела не знаю! И мне и знать не положено!

– Не положено чего? – строго спросил Парамон и пальцем указал, чтобы ему еще налили. Ему налили, а Сазон сказал:

– Ничего мне не положено, боярин. Я же ночной сенной сторож. А приключилось это днем, когда я после службы спал.

Парамон взял чарку, повернул ее в руке, но пить не стал, а спросил, глядя прямо на Сазона, прямо ему в глаза:

– Ну и что у вас тут приключилось? – Но Сазон молчал. Тогда Парамон гневно спросил: – За что царевича убили? Отвечай!

Сазон от таких слов стал белый-белый, но головы не потерял и поэтому твердо сказал:

– А почему это мне отвечать? На меня разве кто показал?

– Надо будет – и покажут, – строго сказал Парамон, после чего поднял чарку и осмотрел их всех. Они все тоже подняли свои. Тогда Парамон сказал:

– И покажут, и расскажут. И наговорят, если что. Но правда наверх выйдет! И вот за это и выпьем! А кто не пьет, тот зло таит! А кто не допивает, тот утаивает! Вот как покойный государь учил!

И с этими словами он, а с ним они все вместе выпили, на этот раз тем более до дна. После чего Парамон, повернувшись к Сазону, сказал:

– Закусывай, закусывай! А то после спьяну наплетешь чего ненужного!

Сазон сразу принялся закусывать. Также и все остальные тоже сложа руки не сидели, и также с ними и Маркел. А когда немного закусили и когда даже Сазон уже перестал закусывать, а нет-нет да и поглядывал на Парамона, Парамон сказал:

– Чего-то Яков всё не возвращается. А Яков скоро пишет! За ним никто не угонится! – После чего опять спросил: – Сазон, а, Сазон! Так про что там у них сейчас наверху наш Яков пишет, а?

– Ну! – протянул Сазон с опаской. – Мало ли. Тут же смотря кого начнут расспрашивать.

– А что, – сразу дальше спросил Парамон, – такое дело темное? Ведь день же был! И, говорят же, прямо во дворе убили. И тех, кто убивал, тоже убили же. Вон же, – продолжил Парамон, – целый ров злодеев навалили, мы же видели!

– Я не валил, – сказал Сазон.

– А почему?

– Я спал.

– А если бы не спал?

Сазон молчал.

– Ладно, ладно! – сказал Парамон. – Чего я это я в самом деле на тебя кидаюсь. Мы же сидим в тепле, сытно едим и сладко пьем. Вот и еще раз давайте! – и поднял свою чарку. Ему в нее сразу налили. И так же налили и всем остальным. После чего они, это уже в третий раз, выпили, после так же в третий закусили, после чего Парамон сказал так:

– Да ты так не белей, Сазон. Мы же сейчас не на службе. Мне же это просто любопытно. И я же приезжий, а ты здешний, поэтому кто больше знает? Ты конечно. Да и я же тебя разве не уважил? Вот и рядом с собой посадил, вот и от себя угощаю. А теперь я у тебя просто

спрашиваю: что же у вас тут такого приключилось? Кто тут у вас кого убил? Как? И за что? И ты же, Сазон, креста не целовал и не божился, а ты мне это просто говоришь, а я тебя просто слушаю и при этом никто из моих людей твоих слов не записывает. Разве не так?

Так, закивали все, так. Также и Маркел кивнул, что так. Тогда и Сазон сказал:

– Эх, я же понимаю! – А после еще раз сказал: – Эх!

Тогда Парамон кивнул, Сазону сразу налили еще. Но он теперь пить не стал, а даже отодвинул чарку, а еще помолчал и сказал, то есть начал вот с чего:

– Я всего этого не видел, сразу еще раз говорю. А говорили люди! А я только слышал: это уже обедню отстояли, и государь и государыня ушли наверх...

– Кто, кто? – быстро спросил Парамон. – Государь и государыня? А я думал, государь в Москве.

– Ну-у! – сердито потянул Сазон. – Тогда я...

– Ладно, ладно! – сказал Парамон. – Продолжай.

Сазон взялся за чарку и продолжил:

– Государь и государыня ушли наверх. А день был погожий, летний. А до обеда было еще вон сколько. А государь у нас же юный, крепкий, и ему на месте не сидится же! И он начал проситься: государыня, мол, матушка, позволь мне на двор выйти до моих товарищей, они меня все ждут, я с ними позабавлюсь. Она и позволила, и он пошел.

– Один? – быстро спросил Парамон.

– Нет, конечно, – ответил Сазон. – Кто же это государя одного отпустит! Да и говорили же уже давно...

– Что говорили? – спросил Парамон.

– Да говорили всякое, – осторожно ответил Сазон. – Ходят, говорили, злые люди, желают тебя, государь, зарезать.

– Кто говорил?

– Я не помню.

– Ладно! – в сердцах воскликнул Парамон. – Ефрем напомнит!

– Какой Ефрем?

Но Парамон молчал. Сазон тяжело вздохнул, но продолжал:

– И он вышел во двор. Вот почти нам сейчас под окна. На этот хозяйственный двор. И тут уже эти бегают: это Петрушка Колобов и это Яшка, как его... Ну, вы это спросите, они вам скажут.

– Кто скажет?

– Бабы эти, которые с ним были. А это Арина Тучкова, кормилица, и Петрушкина мать Марья, постельница. Теперь они всё помнят! А тогда вышли на крыльцо и давай ляды точить! А ты, царское дитя, делай что хочешь! И он пошел вниз со сказанным Петрушкой, и с Яшкой, и с кем там еще! И дальше под яблоней, уже возле самой стены, они стали играть в тычку. Ножом в землю тыкать, кто ловчей воткнет. И тут вдруг идут эти змеи!

И тут Сазон замолчал, а Парамон спросил:

– Какие змеи?

– Данила Битяговский, это Михаила сын, – резко, отрывисто сказал Сазон, – да Никитка Качалов, его же племянник, да Осип Волохов. Осип – это Василисин сын. Вот, никого чужого не было! И они идут себе, и их никто не останавливает, и они подходят к государю, а государь стоит и ест орешки.

– Какие орешки? – спросил Парамон.

– Обыкновенные, – сказал Сазон. – Ему их Петрушка поднес, а Петрушка их из дому вынес. И государь их теперь щелкал. А эти подошли и Осип первым говорит: «Какое на тебе, государь, славное ожерелье, дай посмотреть!». А ожерелье вот здесь, на самом горле. И государь его еще вот так вот вперед выставил, чтобы им было лучше смотреть. А тут Данилка

цап его за одну руку! А Никитка за вторую цап! А Осип выхватил нож и вот так государя по горлу – шах, шах! И сразу все трое побежали! А эти все в крик! А бабы в голос! А беда уже случилось, кричи не кричи. Лежит наш белый голубок, не шелохнется!

И тут Сазон замолчал, и даже отставил чарку и нахмурился. Все молчали. После Маркел вдруг спросил:

– Насмерть зарезал? Сразу?

На что Сазон кивнул, что да.

– Эх! – только и сказал Парамон очень сердитым голосом, и опять все еще помолчали, после чего уже Иван, тоже их подьячий, сказал удивленно:

– На что же они, ироды, надеялись! Ведь же куда было бежать?! И ведь же все их видели!

Сазон в ответ только пожал плечами.

– Да-а! – потянул Парамон. – Бывает же! – После спросил: – Убили их?

– И их, – сказал Сазон, – и их старшего, когда он их спасать приехал. Это про Битяговского я говорю, про Михайлу. А вначале было так: эти двое тогда здесь заперлись, в дьячей избе, это его Данилка и его Никитка, сын с племянником, а наши рвались в дверь...

– А ты спал, – подсказал Парамон. – Такой тут был ор, а ты спал.

– Ну! – только и сказал Сазон, после чего продолжил: – Михайло конно прискакал и стал ломиться оттуда в ворота: откройте! Ну, ему и открыли! И сразу его с коня оглоблей! Я даже... Ну, не я сам, конечно, а другие после говорили, что из него дух сразу вон, из Михайлы этого. И он снопом на землю. А потом дверь вышибли и этих обоих оттуда выволокли и осудили сразу. А Осип, тот, который резал, он вдруг как сквозь землю провалился! Вот был рядом – и вот уже нет! Это уже после, уже, может, еще час прошел, уже царицыны братья-бояре приехали, а их здесь сразу не было, – только тогда уже довелись, где Осип – в Спасе! А как его из Спаса брать? Место же святое, храм! И вот тут уже низкий поклон отцу Степану – он туда пошел и оттуда его вывел. А дальше Осипу случилось то, что и им всем. И вот на этом весь мой сказ, боярин! – закончил вдруг Сазон сердито и решительно.

И никто не стал с ним спорить, а они только еще немного помолчали, после чего Парамон молча повел глазом, то есть велел всем налить, всем налили и все молча, не чокаясь, выпили. Вот такое там было тогда застолье. А потом, когда все закусили и Парамон опять взялся за чарку и так же опять посмотрел на Сазона, Сазон сразу быстро встал, взял шапку, поклонился и сказал, что он благодарит их всех за честь и он бы так сидел всю ночь, но у него же служба, и попросил, чтобы ему позволили откланяться. Парамон молча позволил, он откланялся, еще раз их всех поблагодарил и только уже после вышел. А они еще немного помолчали, а после еще раз налили и выпили, после чего Овсей, а это тоже был их подьячий, начал рассказывать о том, как он на прошлой неделе покупал коня и как его хотели обмануть и как он на это не повелся. Рассказывал он скучно и нескладно, да и сама эта история была всем его товарищам очень хорошо известна, Маркел это сразу заметил, но всё равно все они слушали Овсея как будто с большим интересом и как будто в первый раз. Потому что, подумал Маркел, не сидеть же им теперь всем молча, а говорить о том, о чем им только что рассказывал Сазон, никому не хотелось. Трезвы они еще, думал Маркел, языки еще не развязали, ну да это недолгое дело.

И только он так подумал, как вдруг раскрылась дверь и к ним вошел, то есть вернулся, Яков. Вид у него был так себе, сердитый, но он с порога сразу будто весело сказал:

– Чего носы повесили? Танцуйте, голуби! Завтра домой поедем!

Все сразу оживились, зашумели, стали вразной спрашивать, отчего это так, не случилось ли чего. Но Яков не стал пока что ничего рассказывать, а только сказал, что он крепко голоден, потому что там же ни одна собака не поднесла ему ни крошки хлеба. А только:

– Яша! Яша! – в сердцах сказал Яков. – Как будто я не знаю, кто я! Как будто меня не крестили!

После чего сел к столу, ему сразу подали чарку и он так же сразу ее выпил, после чего взялся закусывать, а они все терпеливо его ждали. А он не спешил! Он сперва еще два раза выпил, то есть сделал троицу, и также трижды закусил, и только уже после широко утерся, а после шумно выдохнул, после откинулся спиной к стене и осмотрел их всех, и только уже после всего этого сказал:

– А чего здесь еще делать, если всё дело раскрыто? Не убивал его никто, вот что!

Эти все молчали и смотрели на него, то есть даже между собой не переглядывались, не то чтобы спросить. И тогда спросил Маркел:

– Кого его?

– Кого, кого! Царевича! – строго ответил Яков.

– А говорили же... – начал Маркел.

– Мало ли что говорили! – сказал Яков. – Теперь же тоже говорят! Но говорят иначе!

И осмотрел их всех. И все они, и даже Парамон, который только что был такой важный, теперь скромно помалкивал. Но вдруг Маркел спросил:

– А как на самом деле было?

Тогда Яков повернулся на него и сперва немного помолчал, а после хмыкнул и сказал:

– Вот, верно! Вот и там сперва так было!

После чего опять их осмотрел. Тогда один из них, Иван, не удержался и спросил:

– Так что там было, Яков?

– А ничего, – сказал тот и опять замолчал. Но уже было ясно видно, что долго он не удержится и сейчас расскажет все подряд!

И так оно и случилось – он начал:

– Не убивал царевича никто, а это он сам убился. А народ увидел его мертвого и сразу стал кричать, что убили, убили! И еще бить в набат и созывать еще народу, чтобы еще больше было замятни. А Битяговский прискакал их унимать, а они ему: а, это ты его, змей, убил! И самого его убили. И всех, кто заступился за него, – их тоже. И побросали в ров как собак. А царевич лежит мертвый в Спасе. Царевич свайкой закололся.

– Чем, чем? – спросил Маркел.

– Свайкой, – сказал Яков громко. – Свайки, что ли, не видал?

– Видал.

– Вот такой и закололся.

– А, – сказал Маркел упрямо, – а говорили, что его зарезали. Зарезали – это вот так, – и он показал, как режут, – а колют так, – и показал, как колют.

– Так! – еще громче сказал Яков. – А ты сам кто? Ты за боярином миски вылизываешь...

– А! – быстро перебил его Маркел. – Говори, говори! Что ты еще про боярина скажешь?! Яков поджал губы, помолчал, после осмотрел своих подьячих, а после, на Маркела уже не оборачиваясь, продолжил уже вот как:

– Они же меня как отсюда вывели, так сразу повели наверх. А там эти прямо за столом, как мы сейчас, среди всего сидели, только немного сдвинули. И боярин Василий сидел там, как и я здесь сейчас сижу, – а Яков сидел на месте Парамона, – а полубоярин Андрей здесь, это я про Клешнина, а наш Вылузгин его напротив, а митрополит здесь, конечно. А здесь сбоку эти трое, дядя и племянники, Нагие. Мне наш Елизарий говорит: «Яша, садись!». Я сел, сразу приготовился. И эти сразу начали! Нет, я даже думаю, что там уже кто-то был до меня и этот кто-то уже что-то им рассказывал, потому что боярин Василий сразу начал вот с чего: ты, мол, Мишка, что себе такое позволяешь, почему государева дьяка убили, кто тебе такое позволил? А Мишка, а это Михаил Нагой, конечно, встал с лавки, стал красный-красный и стал говорить, что он ничего не знает, что он был на обеде и стал от этого немного выпивши... А боярин перебил его, сказал: не выпивший, а мертво пьян! А Михаил опять: выпивший. Боярин махнул рукой, не стал дальше спорить, и тогда этот стал дальше говорить, как он сюда во двор приехал,

а царевич уже лежит мертвый, а те, которые его убили, уже заперлись в дьячей избе и народ уже рвет двери. А ты что, спросил боярин. А тот: а я ничего. А кто велел их убивать? А он: а так Божьим судом случилось! Эх, тут боярин аж вскочил и закричал уже: Мишка, Мишка, подлые твои глаза, не смей так на меня смотреть! А этот опять свое: а я был выпивший, а как сестрица кричала, а как народ негодовал! Боярин махнул рукой, сел, после сказал: Мишка, уйди с глаз долой. Этот сел. Тогда боярин говорит: Григорий, а ты что скажешь? Тогда встал этот второй и стал уже говорить медленно, с оглядкой, и это всё больше на меня, как будто он смотрит, успеваю ли я за ним. А мне чего не успевать! Я успеваю. Да и он же еще кругами, кругами, как будто что топчет, что он сам здесь не был, что он был у себя на подворье, а это не здесь – в кремле, в хоромах, а на посаде, за Торгом. Боярин усмехнулся, говорит: ну, вы здесь гнезд навили, воронье! Вот так и сказал: воронье! А Григорий с ним не спорит, Григорий дальше говорит, как он приехал и как тут уже всё без него давно уже приключилось, так что откуда ему чего знать, как оно на самом деле было, уже и царевич давно мертв, и эти псы мертвы... А боярин сразу: мы еще узнаем, кто здесь псы, Гришка, придержи язык! Тогда тот сказал просто, что он ничего не знает, и боярин сказал: ладно, и этот тоже сел. Тогда стали спрашивать их старшего, дядю Андрея. А дядя что? А дядя жизнь видел! Дядя у покойного государя у поставца стоял! И дядя стал рассказывать издалека, что люди говорили всякое, и что ему сны дурные снились, и что он говорил смотреть, и что они смотрели, а все равно от судьбы не уйти! И что царевич упал и зарезался.

На этом месте Яков замолчал, а после медленно повернулся к Маркелу и добавил также медленно:

– Вот как боярин Андрей Федорович боярину Василию Ивановичу сказал: зарезался царевич Димитрий. За-ре-зал-ся! – сказал он по складам. – А тебе как послышалось?

– А мне никак, – просто сказал Маркел.

– Вот и славно! – сказал Яков и опять повернулся к своим. И там один из них, и это опять Иван, спросил:

– А отчего царевич вдруг упал?

– От падучей, – строго сказал Яков. – Была у него падучая, вот что.

– Давно была? – спросил Маркел.

– Нет, – сказал, подумав, Яков. – Шуйский об этом тоже спрашивал. И эти ему сказали, что с зимы, а раньше не было. И что государыня кричала, что извести хотят царевича, что напускают прочу и что напускает Битяговский! – И, помолчав, добавил: – И вот за это его и убили. Это я про Битяговского.

Теперь все молчали, и даже Маркел. Вот же где было известие! И так тихо у них было достаточно долго, после чего Яков сказал:

– Вот так и там молчали, а потом Шуйский сказал: но кто вам позволил его убивать? А они сказали: а это не мы, а этот народ так решил. Какой народ? Посадские. Кто посадские? Не знаем. Народ же, сразу стали говорить, ты же, Василий, знаешь, горячий! Царевич же мертвый лежит! А как они его здесь все любили! Он же для был как солнце ясное! И вдруг лежит убитый. Погорячился народ, говорят, стыдно нам за него, совестно, готовы за него казнь принять, вот и сестрица пишет! И тут подают, старший, Андрей подал, грамоту. Шуйский стал ее читать. Это была ее челобитная до государя в Москву, чтобы народ не казнили, это мне Елизарий шепнул уже после. А так только вижу, Шуйский прочел, вот так бороду огладил и сказал: это не мне решать, но государь у нас милостив, молитесь за государя, может, государь простит. А после махнул рукой и сказал уже почти что совсем просто: ладно, завтра даст Бог день и даст ума, а пока что время уже позднее, а мы с дороги. И на этом было уже совсем всё, они ушли и я ушел. А теперь еще налейте!

Ему так и сделали. И остальным всем тоже. А когда они все выпили, а после закусили, Яков сказал:

– Не усмотрели. Будет им теперь. Елизарий так сказал. И то! – сразу продолжил Яков. – Это же среди бела дня! И у всех на виду! А если у него падучая, как можно было такому нож дать?! А?!

– А как не дать? – сказал Овсей.

– Овсей! – строго сказал Яков. – Много ты стал понимать!

Овсей теперь уже молчал. Зато сказал Иван – задумчиво:

– Да, это уже у кого какая планида. Один и в огне не горит, а другой и в ложке утопится.

– Ты про кого это? – опять же строго спросил Яков.

– Ни про кого! – сказал Иван громко, потому что был уже довольно крепко выпивши.

И так же громко и почти смело продолжил: – А говорят, что у покойного царя Ивана уже однажды был такой сын, тоже Димитрием крещенный. Так тот Димитрий утонул! Тоже тогда все рядом были: и царь, и царица, и царевы дядья и тетки, и царев брат, тогда еще живой, они на богомолье ехали, а через ручей переходили – нянька оступилась, царевич у нее из рук – и в воду! И только пузыри пошли! Вот какое имя, говорят, Димитрий несчастливое!

Вот что тогда сказал Иван – и все молчали! Первым Парамон опомнился, сердито хмыкнул и также сердито сказал:

– Брехня какая! Где это ты такое видел, чтобы царь пешком через ручей переходил! Царя всегда переносят!

– Вот его и унесли не туда, куда надо! – сразу и тоже сердито ответил Иван. – А нянька понесла царевича! И уронила! И сама упала! А это же царевич, надо понимать! Это же царская кровь, это же нам Богом данная! Кто до него смел дотронуться?! Вот он и лежал тогда в воде и пузыри пускал, а никто к нему не подбегал! Потому что нельзя было, не по чину! Покуда царица не кинулась, да только было уже поздно. Так, может, было и теперь – царевич сказал: «Дайте нож», – и кто ему поперечит? Я бы не перечил, я бы дал.

– Ладно! – сказал Яков. – Больно умный. И завтра таких же, как ты, умных будет уже Ефрем спрашивать: зачем нож давали, зачем после всё на Битяговского валили, зачем били в набат, кто позволил? Разбаловался народ, вот что! При прежнем государе было строже! Знаешь, что той няньке после было?

Иван промолчал.

– Вот, это верно, – сказал Яков. – Язык надо беречь и без лишней нужды не высовывать. – После чего сказал еще сердитее: – Фу, пересохло в горле всё!

Но тут оказалось, что вино уже закончилось, Овсей вышел в сени и велел подать еще. Быстро подали. Также еще подали перекусу. Они еще выпили и закусили, после чего Яков вдруг повернулся к Маркелу и так же вдруг спросил:

– А ты чего сегодня не на службе? Или ты сегодня наше проверяешь?

А Маркел в это время как раз взялся на добрый кусок мяса. И поэтому, его не отпуская, сказал так:

– Да, сегодня ваш черед. Боярин мне сказал: смотри, Маркел, как бы моим верным слугам какой кто беды не учинил! Вот я и смотрю каждый кусок, – и тут же его надкусил.

А Яков тут же продолжил:

– А я у боярских спрашивал сегодня, их ли ты. Они сказали, что не их.

– А ты у боярина спроси, – сказал Маркел, уже пережевывая мясо. – Я не у них служу, а у него.

– Может, у кого еще спросить? – в сердцах спросил Яков.

– Может, – сказал Маркел. – Вот хотя бы спроси у Ефрема.

Яков помолчал, даже еще поморщился, после сказал язвительно:

– Я так и думал, чей ты человек.

– Чей?

– Сам знаешь!

– Я-то знаю, это верно, – сказал Маркел решительно. – А ты думаешь, что я Борисов.

– Я ничего не думаю! – очень сердито сказал Яков. – Меня сюда не думать привезли, а записывать за теми, кто не так подумал!

– Ага!

– Вот и ага!

И на этом этот разговор закончился. Потому что, эх, сердито подумал Маркел, сказал бы я тебе, а вот не буду, я же тоже не для этого сюда приехал, чтобы говорить, а чтобы дело делать, а дело на месте стоит! И промолчал Маркел, и начал есть мясо, которое он раньше взял, из-за которого всё это началось. Мясо было жилистое, жесткое, Маркел его в сердцах жевал и так же в сердцах думал, что какой же Углич дрянной город, если здесь даже в кремле такое мясо гадкое. А эти смотрели на него и ничего не говорили.

Только когда Маркел уже добрался до кости, Яков сказал, что уже поздно, хватит, пора и честь знать, завтра им рано на службу, и они все пошли укладываться. Им было хорошо укладываться, у них же у каждого хоть что-нибудь с собой да было, а Маркел ехал как сокбл, с пустыми руками, и поэтому он так и лег просто на лавку, руки заложил за голову и, чтобы не думать о другом, стал думать о деле, которое никак не делалось, и, как подумал Маркел, никто его не хочет делать, даже Шуйский, а все хотят скорей его спихнуть, хотя же ясно видно, как из него отовсюду торчат уши! И он дальше стал думать о том, что он называл ушами, то есть о тех несообразностях, которых он сегодня наслушался в досталь...

А вот еще, еще послушай, уже совсем сердито подумал Маркел, потому что подьячие, которые в своем углу сперва едва шушукались, теперь стали все громче и громче похрюкивать, а вот уже Иван сказал почти что в голос: а давайте его ночью задушим, когда он заснет! Тут они еще громче захрюкали, после чего Яков сказал: давайте, а после скажем – спьяну задохнулся! Давайте, давайте, сказал Парамон. После чего они притихли. Это, подумал Маркел, они, наверное, ждут, когда он начнет или ворочаться со страху, или даже что-нибудь дурное скажет. Но Маркел ничего не стал говорить, потому что что таким скажешь, а лег на правый бок, прочел «Отче наш» и подумал: Господи, спаси и сохрани, авось, просто брешут спьяну, не задушат, Бог спасет, – и так, с такими мыслями, почти сразу заснул.

4

Утром Маркел проснулся и первым делом, перекрестившись, подумал: Бог спас, не задушили. А вслух ничего не сказал. И тут же почти сразу к ним пришли и стали накрывать на стол, Яков сразу же поднялся и начал поднимать всех остальных. Да уже и начало светать, пора было. Они встали и перекусили, ни о чем таком особенном не говоря, а только о всяких пустяках, а после, почти сразу, Якова опять позвали, а вместе с ним и Илью, это был у них еще Илья.

А про остальных как забыли! Подьячие, когда им убрали стол, сели играть в гуська, а Маркел, не зная, чем пока заняться, взял из растопки тоненькую чурку и начал ее ножом (который он достал из рукава) обтесывать, а после вырезать на ней узоры, а сам тем временем думать, когда же это Шуйский о нем вспомнит и призовет его к себе и велит начать искать злодея и даст ему людей в помощь, чтобы дело шло быстрее. Но время шло, чурка строгалась, а от Шуйского никто не шел. Тогда Маркел встал, отложил чурку, убрал нож и пошел к Шуйскому наверх. Наверху его остановили и спросили, к кому он. Он сказал, что он к боярину Василию и что он Маркел Косой. Дворовой ушел, после вернулся и сказал, что надо ждать, что боярин сейчас у царицы. Маркел сел ждать. Ждал он там тоже долго. А когда опять стал спрашивать, дворовой разгневался и стал почти кричать, что кто Маркел такой, и что ему уже один раз сказали, что боярин занят, что надо честь знать! Тогда Маркел еще немного подождал, а после развернулся (но сперва перекрестясь, конечно!) и пошел вниз, при этом думая, что ладно, пока боярин у царицы, он здесь хоть осмотрится как следует, и, к себе уже не заходя, сразу вышел во двор.

Утро было уже позднее, народу по двору сновало много, и шуму там тоже хватало. А двор там был такой – как кремль. То есть как сам углицкий кремль (и как сперва московский) был из себя кривой трехстенкой, таким же был и внутренний царевичев (а теперь уже царицын) двор, где задняя для Маркела стена была задней стеной хором, а две другие впереди сходящихся стены были стенами самого кремля. По краям, вдоль стен, стояли службы, а посреди стояла маленькая церковь, Константиновская, как после узнал Маркел. И дальше за той церковью, возле стены, стояли яблони. Вот там, под яблонями, подумал Маркел, его и убили. Или он сам убился. Ага, вот оно как, дальше подумал Маркел, после чего осмотрелся и увидел, что сзади него во внутренний двор был только один вход – это те ворота, через которые они сюда вошли. И, наверное туда же въехал конно Битяговский и его сразу, то есть там, в воротах же, убили. То есть тогда ворота были сперва закрыты, хоть день был такой же, будний, а теперь, в такой же будний день, они стояли открытые. То есть теперь кто хочешь через них ходи, а тогда разрядный дьяк, глаз государев, государева сума и государев меч карающий, стоял под ними и не мог в них въехать. Ладно!

И тут, еще раз осмотревшись, Маркел увидел человека, который стоял на небольшом помосте и колот дрова. И тоже нет-нет да и поглядывал в Маркелову сторону. Маркел подошел к нему, сказал:

– Бог в помощь.

Тот опустил топор и сказал:

– Спаси Бог.

– Ты кто такой? – спросил Маркел.

– Сидор я, – сказал тот человек.

– А здесь что делаешь? – спросил Маркел.

– Истопник я. На царицыной поварне, – сказал Сидор.

– А я, – сказал Маркел, – Маркел. Стряпчий Разбойного приказа. Слышал про такой?

– Как не слышать! – ответил Сидор и перекрестился.

– Не крестись, рано еще, – сказал Маркел. После осмотрелся и сказал: – Тут, говорят, царевича убили.

Сидор пожевал губами и сказал:

– Не тут, а там, под яблоней. Под той, самой левой.

– А ты видел? – спросил Маркел.

– Бог миловал. Нет, – сказал Сидор.

– А тогда откуда знаешь, что под той? – спросил Маркел.

– А так все говорят, – сказал Сидор.

– И все это видели? – спросил Маркел.

– Да нет, какое там, – уже сердито сказал Сидор. А после так же сердито продолжил:
– Люди сейчас горазды говорить всё, что ни попадя. Одни говорят, будто они видели, как царевича убили. А другие говорят, будто они из Москвы, из сам знаешь какого приказа.

Маркел сразу громко хмыкнул и так же быстро спросил:

– А ты небо с овчинку видел?

– А это что? – спросил Сидор.

– А вот что! – сказал Маркел и, подступив к нему как можно ближе, достал из-за пазухи круглый кусок овчины, перевернул его – и стало видно, что там, на гладкой стороне, как тавро, выжжен царский двуглавый орел!

Сидор побелел и даже забыл перекреститься. А Маркел уже убрал овчинку, отступил на шаг и уже только тогда опять спросил:

– Ну так что там люди видели?

– Да ничего не видели, – ответил Сидор, но не сразу. А после, осмелев уже, стал добавлять: – Брехня это всё, вот что. Государь с ребятками пошел под яблони, и они стали там играть. А няньки на крыльце остались и там лясы точили. И народу тут везде было как и сейчас, да только никому из них никакого до царевича дела не было. Вот как сейчас всем до нас.

И тут Сидор замолчал, а Маркел еще раз осмотрелся и увидел, что и в самом деле всякого народу сейчас во дворе много, но никто в их сторону не смотрит и уже тем более никто к ним не прислушивается, потому что всякий занят сам собой и своим делом. И Маркел опять посмотрел на Сидора. И Сидор тогда сказал уже вот что:

– Я не знаю, что там, под яблоней, было. И я не знаю, был там Осип или не был, резал он кого или не резал. А я только одно верно знаю: вдруг вижу, и слышу конечно, бежит по двору Петрушка Марьин Колобов и как оглашенный орет, что царевича убили. Ну я и подумал, что, видно, убили крепко. Но не думал, что убили насмерть. И так же другие думали, я спрашивал.

– Ага, – сказал Маркел. – Ага. – После спросил: – А дальше что?

– Вот после дальше и забегали, – ответил Сидор. – Это сперва няньки вниз с крыльца, а после к ним царица, а уже после к ним народ.

– А после что? – спросил Маркел.

– А после стали Волохову бить.

– Какую Волохову?

– Осипову мать. Потому что будто он царевича убил, ее отродье, вот она и виновата.

– А она, а Волохова эта, она откуда здесь взялась? – очень быстро, даже сбивчиво спросил Маркел.

– А как из-под земли! – ответил Сидор.

Вот что он вдруг тогда сказал! А ведь и верно, подумал Маркел, ведь же от царицы кто с царевичем пошел гулять? Нянька Арина Тучкова и постельница Марья Колобова, Петрушкина мать. А Волоховой с ними не было. Да о ней и разговора раньше не было. Ага, ага, уже еще быстрее подумал он, а потом так же быстро спросил:

– Так кто же тогда всё это видел? Своими глазами?!

– Да только один Петрушка получается, – подумав, сказал Сидор.

– А где он сейчас? – спросил Маркел.

– А они все на ров побежали, вся ребятня, – сказал Сидор.

– Зачем? – спросил Маркел.

– Так там же этих раздают, убитых, – сказал Сидор. – Их же раньше не велели раздавать, говорили, пусть гниют злодеи. А теперь же как будто уже не злодеи, говорят, ваш же боярин Василий так велел – раздать родне и пусть завтра хоронят по-христиански. И ребяшня вся там, им интересно же смотреть на это.

– Ага, – сказал опять Маркел. – Ага. – После сказал: – Ну, ладно. Надо будет, позовем еще и спросим.

И не дожидаясь, что ему Сидор на это ответит, Маркел развернулся и пошел к дворовым воротам. Шел он очень быстрым шагом, потому что думал, что ему нужно еще успеть обернуться обратно, пока боярин сидит у царицы, и тогда как славно было бы! Шуйский спросит, чего он сидит, дожидается, а он скажет: нет, я не сижу, боярин, а я уже вон сколько успел вызнать! И станет говорить... Ну, и так дальше и дальше. А пока Маркел прошел через сказанные дворовые ворота и пошел вдоль терема. Там, не доходя до красного крыльца, к главной стене была пристроена высокая добротная изба, Маркел ее и вчера видел, когда их вели устраиваться, но только тогда Маркел ничего не заметил, а теперь он ясно видел, что эта изба стоит пограбленная, с выломанной дверью и такими же выломанными окнами. А, подумал про себя Маркел, даже не сбавляя шага, это, наверное и есть та самая дьячая изба, в которой прятался Данила Битяговский, младший, пока его толпа оттуда не достала. Тогда получается, что старший мимо младшего проехал и уже дальше, у ворот, его убили, а уже после младшего убили здесь. А чего старший тогда ехал дальше, он же ехал спасать младшего! Подумав так, Маркел нахмурился, потому что ничего уже не понимал, уже совсем запутался...

Но все равно пошел дальше, прошел мимо Спаса, в котором раньше прятался Осип, покуда спасский поп его оттуда не вывел, после прошел мимо колокольни, с которой неизвестно пока кто и неизвестно по чьему велению начал тогда бить в набат, а теперь за это Ефрем будет спрашивать строго – так, что язык отнимется! Или отнимут, подумалось дальше, после чего Маркел прошел через ворота, устроенные в проездной Никольской башне, и вышел на мост.

На мосту стоял стрелец – с той, с посадской стороны. Маркел вышел на середину моста, посмотрел в ров и ничего там не увидел. Ров был пуст. Ров был старый, наполовину обсыпавшийся, поросший сорной травой. Когда-то там была вода, а еще вчера там на дне лежали убитые люди, а теперь там было пусто. Маркел перешел через мост, подошел к стрельцу, узнал его, а стрелец, видно, узнал Маркела, и Маркел спросил:

– А где все эти? – и кивнул на ров.

– Забрали всех, – сказал стрелец. – Давно уже.

– Кто забирал? – спросил Маркел.

– Люди, – сказал стрелец. – А что? – Но тут же добавил: – Вон, у него лучше спроси, – и указал рукой.

Маркел обернулся и увидел, что к ним подъезжает Иван Засецкий, то есть тот самый стрелецкий голова, с которым он так нескладно поговорил в Троице. Зато теперь Маркел сразу сказал – и громко:

– О, Иван! Давно не виделись! А где твой брат?

Засецкий важно нахмурился, молча подъехал, молча сошел с коня, молча бросил повод (а стрелец ловко его поймал) и, кивнув Маркелу, ступил в сторону. Маркел ступил за ним. Засецкий, еще помолчав, тихо сказал:

– Уехал брат. И все его уехали. В Ярославль, брать Афанасия, их старшего! Как я тебе и говорил. Вот так!

То есть, подумал Маркел, это они и вправду думают, что Афанасий Нагой хочет поднять (или даже уже поднял) Ярославль. Ого, подумал Маркел дальше, но вслух, как всегда, ничего не сказал.

– Вот! – еще раз сказал Засецкий. – От него вся измена! Он всему зачинщик! А вы: царевич, царевич!

Маркел подумал, что молчать нельзя, стрелецкий голова еще обидится, и поэтому спросил:

– Что за измена?

– Э! – насмешливо сказал Засецкий. – Тебе это надо было первой меня знать! Это твоя служба! – Но после, еще раз усмехнувшись, сказал: – Быстро всплыло! С самого утра, еще не развиднелось толком, а приказчик уже челобитную подал!

– Какой, – спросил Маркел, – приказчик?

– Русин Раков, городской! – сказал Засецкий. – Власть местная. Сразу боярину Василию, через Нагих. Ох, Михайла Нагой гневался! Челобитная ведь на него написана! И на всех их, вот как! И также на Муранова, и на его губных, на всех, я говорю! И даже на нее, вот так! – И тут он даже рубанул рукой по воздуху. После чего спросил: – На нее – это ты знаешь, на кого?

– А на нее за что? – спросил Маркел. – Ей-то когда было чего? Горе же какое было!

– А другим что, не горе?! – уже совсем громко воскликнул Засецкий. – Государь скольких слуг верных лишился сразу – это как? Это не горе, да? А кто кричал их убивать?! А кто кричал бить в набат?!

– Она, что ли? – спросил Маркел.

– Она, – сказал Засецкий. А помолчав, добавил уже тише: – А ее на это братья надоумили. А братьев – дядя Афанасий. Вот мы за ним и послали. Вот так!

Ого, подумал Маркел, сколько всего сразу! А он тут ходит, непонятно кого ищет. И спросил:

– А где отсюда все?

– А кто тебе здесь нужен? – настороженно спросил Засецкий.

– Да, – сказал Маркел, поморщился, потом дальше сказал: – Да ребятишки кремлевские, Петрушка Колобов, Марьи постельницы сын.

– Э! – сказал Засецкий и посмотрел на Маркела, наверное, хотел спросить, зачем ему этот Петрушка, но не стал, а только молча повернулся к стрельцу.

Стрелец сказал:

– А они, вся ребятня, за покойником пошли. Он впереди, а они сзади. Понесли его, не сам пошел, конечно, а они за ним.

– Тут было много покойников, – сказал Маркел. – А за каким они?

– Много, – сказал стрелец, – ой, много. А они туда! – и указал правее Торга опять на ту же улицу, по которой они все сюда и прибыли, то есть на Богоявленскую.

Маркел повернулся к Засецкому.

– Ну, иди, иди, вынюхивай! – насмешливо сказал Засецкий. – Вижу, ты уже что-то задумал. Ну, иди!

Маркел развернулся и пошел. Теперь он шел еще быстрее и при этом думал, что ну и что, ну и начнут люди боярина его искать и не найдут, невелика беда, зато беда будет тогда, если он напрасно проболтается и вернется ни с чем. Но он же идет по делу, он же чувствует, что он не напрасно идет! Вот о чем Маркел тогда еще подумал и пошел еще быстрее, уже стараясь ни о чем лишнем не думать и не вспоминать ничего. Так он перешел через площадь, затем мимо Торга, народу там было мало, а дальше кабацкий двор и вообще стоял закрытый, потому что обедня еще не только не закончилась, но даже и не начиналась, и вышел к посаду. То есть там был, конечно, еще один мост, даже скорей мосток через ручей, Маркел перешел через него и уже только тогда оказался совсем на посаде. И сразу остановился, потому что он теперь увидел, что дорога перед ним раздваивается – левая идет на Богоявленскую улицу, по которой он вчера уже ездил, а правая, мимо церкви, идет на еще одну улицу, Ильинскую, как после оказалось, и которой он вчера не увидел.

Но зато теперь, видел Маркел, народ, пусть его было и немного, а весь сворачивал именно на ту Ильинскую улицу. И, что еще важнее, оттуда же, с Ильинской, был слышен громкой немой крик, каким обычно кричат по покойнику. И Маркел, не долго думая, свернул на этот крик.

Также недолго он прошел по той Ильинской улице, когда, по правую от себя руку, увидел богатое подворье, ворота там были открыты настежь и в них так шел и шел народ, и оттуда же слышался тот крик. Маркел вначале сбавил шаг, а после и совсем остановился, и это, на всякий случай, на другой стороне улицы.

Да ближе и не нужно было подходить, потому что через открытые ворота и так было хорошо видно, что там собралась уже немалая толпа, они там что-то обступили, и там же кто-то продолжал кричать. Это было бабье причитание, обычное, про то, что на кого их сокол покинул, и зачем еще забрал с собой молодого соколенка. Э, подумал Маркел, тогда это подворье Битяговского, потому что его и самого убили, а с ним и его сына. И хоромы вон какие здоровущие, богатые! И сколько служб по двору! И сколько там всего вокруг пограблено, тут же дальше подумал Маркел, когда увидел, что ворота на конюшне высажены, вырваны и так до этой поры и валяются рядом. Гневен народ, чего и говорить, еще дальше подумал Маркел, не любили углицкие Битяговского, Битяговский же рука Борисова, душил Борис Углич, потому что понимал же, что, когда Димитрий вырастет, никто Федора терпеть не будет – ни бояре, ни народ, ссадят его, посадят Димитрия, и что тогда Борис? Да он тогда...

Но дальше Маркел подумать не успел, потому что увидел, что прямо напротив него в тех воротах стоит очень недобрый человек и так же недобро смотрит на Маркела. А вот и еще двое к нему подошли и тоже стали смотреть так же. Э, уже совсем невесело подумал Маркел дальше, тут могут и самому по горлу полоснуть – таким злодеям это запросто!

И вдруг увидел во дворе детей. Это было трое ребятишек, им было лет по семь, по восемь, они стояли позади толпы и с интересом поглядывали по сторонам. Это они, кремлевские, с радостью подумал Маркел, он их нашел, и там Петрушка Колобов, который всё видел и сейчас всё как было расскажет!

Но тут тот человек очень громко, потому что через улицу, да и еще рядом кричат, спросил:

– Ты чего так сюда смотришь? Что тебе здесь надо?!

– Э! – быстро сказал Маркел. Потом также быстро прибавил: – Я Власа ищу. Мурановского человека Власа. Сказали, что он здесь.

– А Влас к себе пошел, – сказал тот человек.

– А где это «к себе»? – спросил Маркел.

– А там, – сказал тот человек и указал дальше по улице.

И Маркел так туда и пошел. И, не оглядываясь, думал, что Петрушку он еще найдет, Петрушка никуда не денется, но заходить за ним сейчас в тот двор было никак нельзя. Да и говорить было нельзя, что ему Петрушка нужен, потому что после мало ли что может быть, ребятенка могут и зарезать запросто, чтобы не сболтнул чего. Да и если бы он сам туда вошел, подумал про себя дальше Маркел, так и его тоже могли зарезать. То есть ножик в спину быстро чик из рукава! Сколько раз Маркел такое видел и расследовал! И никто бы не сказал из всех с того двора! А только бы сначала его сразу в погреб, чтобы с глаз долой, а после, ночью, камень на шею – и в мешок, и в Волгу отнесут. Потому что зачем у себя на подворье закапывать? И хлопот много, и голодные собаки после могут откопать. А так ничего такого не было, Бог спас, весело подумал Маркел и так же весело перекрестился, удержал Господь, стопы отвел – и славно, дела идут дальше и надо пока идти к Авласке, подумал дальше Маркел, потому что эти сейчас за ним смотрят, он же чужой, московский, городок же маленький, поэтому они сразу увидели, что он не свой, и теперь, может, идут за ним следом. Ну и пусть идут! А он пока пойдет к Авласке, раз уже так судьба сложилась, и, может, это и есть перст судьбы – идти к нему, делать дело, а не сидеть же под боярской дверью и не ждать, пока его соизволят позвать. А соизволят,

а он уже всё вызнал! Вот как надо делать дело! И вот с такими мыслями Маркел шел и шел по той улице, которая все время забирала влево, пока не забрала до самых городских ворот, а там Маркел осмотрелся и увидел, что тут эта улица опять сошлась с Богоявленской, то есть что он здесь вчера был, и он свернул на Богоявленскую, там у первого же прохожего спросил, где живет Влас Фатеев, и тот указал где, и это оказалось совсем рядом. То есть, подумал Маркел, здесь Влас сказал правду, когда называл, где он живет. А теперь посмотрим, много ли еще было в его словах чего полезного, подумал дальше Маркел, подходя к фатеевскому, прямо скажем, небогатому подворью.

А там дальше было так: когда Маркел еще стучал в ворота, он уже тогда услышал, что с той стороны кто-то стоит и, затаив дыхание, слушает. Тогда Маркел, немного подождав, постучал еще раз, уже громче, и так же громко спросил:

– Это Фатеева усадьба? Это Влас?

Тогда из-за ворот ответили:

– А ты кто такой? Чего орешь?

– Меня боярин послал, – сказал Маркел. – Знаешь, какой боярин, дурень? Или кнута желаешь?! Открывай!

Тогда тот, из-за ворот, сказал:

– Нет хозяина. Ушел хозяин.

– А хозяйка где? Жива? – еще грозней спросил Маркел.

За воротами тяжело вздохнули, а после стали открывать. Когда Маркел вошел в ворота, то увидел старика, наверное, из приживальцев, и поэтому уже только для вида строго приказал:

– Веди к хозяйке.

Тот повел. И это было близко, потому что почти прямо напротив ворот, шагов через двадцать, стояли две избы с сенями между ними, обе они и сени были на подклетьях. Небогато, подумал Маркел, оглядывая избы, после чего, за стариком, стал подниматься по крыльцу. А в сенях, опять за стариком, свернул налево, это будет в большую избу, подумал он, а меньшая у них направо.

В большей избе они прошли в светлицу, там никого не было, старик осмотрелся и громко сказал:

– Хозяйка! Пришел человек московского боярина! Хозяина спрашивает!

Никто ему на это не ответил. Старик обернулся на Маркела. Маркел сел и осмотрелся. Стол стоял голый, но чистый, полавочки на лавках были худые, потертые, и также в углу на образах позолоты было мало. Бедно живут, подумал Маркел, а тут еще беда такая!

И тут как раз вошла хозяйка, остановилась и молча поклонилась Маркелу. Маркел ей в ответ кивнул и стал ее дальше рассматривать. Одета она была просто, принарядиться не стала, подумал Маркел, экий нор, а собой хороша, хороша, и молода еще. После чего обернулся на старика и сделал ему рукой уйти. Старик ушел. Тогда Маркел опять повернулся к хозяйке и строго спросил:

– Где хозяин?

– А ты кто такой, добрый человек? – вопросом на вопрос ответила хозяйка.

– Меня звать Маркелом, – ответил Маркел. – Я из Москвы приехал. Когда твой Влас к нам приезжал, сама знаешь зачем, мы с ним крепко познакомились.

– Это, – сказала она, – запросто. – Он как чарку выпьет, так уже ничего не разбирает и с любым сойдется. Но про тебя он ничего не говорил. И ни про каких Маркелов тоже.

– А тебя Авдотьей звать! – сказал Маркел. – Мне он про тебя рассказывал много чего.

– Чего?! – быстро спросила Авдотья, потому что ее и на самом деле так звали.

– Так это же мне, а не тебе, – так же быстро ответил Маркел и при этом даже усмехнулся.

Но тут же продолжил уже очень строго: – Вот что, Авдотья! Ты меня не гневи! У меня силы много! А не хватит – мне боярин еще даст! Поэтому слушай внимательно: я не для того сюда

пришел, чтобы твоего Власа под кнут подводить, а только для того, чтобы узнать все, как тогда было. Ведь же твой Влас здесь никаким боком ни к чему не касается! Его же ни на том дворе, ни даже совсем в кремле тогда не было, когда там сперва царевича не стало, а потом государева дьяка, а потом еще четырнадцати душ. Или пятнадцати?

Авдотья молчала.

– Вот это правильно, – сказал Маркел. – Когда наверняка не знаешь, лучше помолчать. А то твой Влас как к нам в Москву приехал, чего только не наплел! А ведь же трезвый был! А был бы пьяный, так могу только представить!

И тут Маркел замолчал. Авдотья тоже молчала и только хмурилась. Тогда Маркел опять спросил:

– Где Влас?

– Ушел. Вот только что, – тихо сказала Авдотья.

– Ладно, – сказал Маркел. – Пусть так. Тогда, если его нет, сама рассказывай.

– О чем?

– О том, что здесь тогда, в тот день, было. И чем правдивее расскажешь, чем я скорее Власа твоего выгорожу. Потому что он мне показался. И вот на том крест! – и тут Маркел, повернувшись к образам, перекрестился. После чего опять посмотрел на Авдотью и уже не спросил, а велел:

– Говори.

Авдотья помолчала и сказала:

– А чего тут говорить! У нас всё чисто как в кринице. Мой Влас ни у кого вот столечко не взял ни разу! – и показала кончик ногтя.

– И что в этом хорошего? – спросил Маркел.

Авдотья прикусила губы, помолчала, а после продолжила:

– Я ему сразу говорила: не иди, Влас, в дьячки, не иди! У тебя же руки золотые, ты же какой мастер! А он кузнец, иголочник. Да у него иголки сами в шитье лезли! Мы же с его иголками беды не знали! А тут он говорит: а общество! А говорят: иди, Влас, к Ивану, ты же грамоту, Влас, знаешь, а кто еще, а некого, а ты, Влас, нас всех тогда спасешь, верим тебе, Влас, как себе! И он пошел в эти дьячки проклятые. А ремесло свое забросил!

И тут она замолчала и посмотрела на Маркела. А тот сказал:

– Я это знаю. Мне это еще в Москве было известно. А вот скажи, что здесь у вас было в субботу в пятнадцатый день, когда царевича на заднем дворе зарезанным нашли? Где тогда Влас был?! И ты в глаза мне смотри!

– Здесь был, – тихо ответила Авдотья. – Обедал. А после лег отдохнуть.

– А почему, когда в набат ударили, он никуда не побежал? Ему что, до царского добра никакого дела нет?! Гори, царское добро, так, что ли?!

– Нет, не гори, – чуть слышно сказала Авдотья. – Мы разве нехристи? А просто Влас был уставший и лег.

– Отчего уставший?

– От вина, – уже совсем чуть слышно сказала Авдотья.

– Как от вина! – грозно сказал Маркел. – Это же какое время еще было! А он же до этого на службе был! Да и кабак же был еще закрыт. Или вы тут сами вино курите?! – и с этими словами он даже привстал и очень громко принялся.

– Спаси Господь! – воскликнула Авдотья. – Дурная баба сдуру ляпнула!

– Э! – сказал Маркел. – Дурная не дурная, а проговорила. – Вот оно было как! Влас домой пришел пьян и завалился спать, а тут набат, а ему не до набата, он же был в тайной корчме, кто-то у вас здесь тайно корчемствует, добрых людей от кабака отводит, царевой казне чинит урон, а за это знаешь что бывает? Колесо!

Авдотья стояла молча, красная, не знала, куда девать руки. Маркел усмехнулся и сказал:

– Дура! Никогда на мужа, на господина своего, не ропщи и не наговаривай! А то: мой Влас, мой Влас, язык как помело, а как напьется, тогда совсем нет спасу! А ты что трезвая наговорила? Вот захочу и уморю вас под кнутом обоих!

Авдотья тяжело вздохнула, помолчала, потом несмело начала:

– Боярин...

– Я не боярин, – перебил ее Маркел. – Я стряпчий. Из Москвы.

– С пыточного двора? – не без яду спросила Авдотья.

– Нет, – сказал Маркел и усмехнулся. – С пыточного двора у нас Ефрем Могучий, а я из Разбойного приказа.

– Нам это всё едино, – сказала Авдотья.

– Э! Зря так говоришь! – сказал Маркел. – На пыточном дворе всех подряд пытаются, а наш Разбойный приказ ищет только разбойников, а честных людей не трогает.

– Зачем же тогда нас тронули?! – уже в сердцах спросила Авдотья.

– Э! – опять сказал Маркел. – Разве я здесь кого тронул? И разве я твоему Власу зло чинил? Он сейчас где? Он же сейчас, чую, здесь внизу, в подклети, сидит за мешками, затаился, а я делаю вид, будто этого не знаю и сейчас уйду!

И только он так сказал, как где-то вдалеке ударили колокола, потом еще, а потом еще и еще громче. Ого! Маркел даже привстал, так он тогда внимательно прислушался. А колокола продолжали звенеть, и уже было понятно, что это звенят от кремля.

– Так и тогда звонили, да? – спросил Маркел.

– Нет, – сказал Авдотья. – Тогда били набат, а теперь перебор погребальный. Хоронят государя нашего.

– Как государя! – воскликнул Маркел. – Прямо сейчас, что ли?

– Так слышно ведь. Так и с утра еще все говорили, что сегодня, – сказала Авдотья.

– Эх! – только и сказал Маркел. – Ладно, Авдотья, после еще свидимся. И с твоим Власом тоже! Поклон ему! – После чего быстро развернулся и так же быстро пошел из светлицы.

5.

Так он и дальше всё время шел быстро и по ступенькам вниз, и по двору, и дальше по улице, а колокола звонили и звонили. Эх, думал Маркел, не опоздать бы, потому что не зря же они так спешат, неспроста это, он царевича еще не видел, а они уже нороят его скорей в землю и накрыть плитой, как и отца его царя Ивана тоже так тогда хоронили на скорую руку, как будто кто их гнал! Ну да тогда это еще было понятно, думал Маркел дальше, прибавляя шагу, тогда же столько страху натерпелись и даже не верилось, что наконец всё кончилось, а здесь чего спешить? Только если надо скрыть чего. А чего скрыть? Да что убили его, вот что! Потому что если не убили бы, тогда чего спешить? Тогда горюй и говори, что приходите и смотрите, кто желает, вот он лежит, как голубок закладенный, напала на него падучая и он упал и зарезался, горе какое, Господи, ну да Господь дал и Господь же забрал. Но это если сам зарезался, а если другие зарезали? Эх, опять думал Маркел уже совсем в сердцах, переходя через ручей и выходя уже к Торгу, говорил же он вчера псам этим: колют так, а режут вот как, и поэтому по ране сразу видно, зарезали кого или он сам закололся. Да и сваей как зарежешься? Сваей можно только заколоться, свая для того и сделана, чтобы колоть. Но, выходя на площадь перед рвом, вдруг спохватился и подумал, что начнешь много болтать – и самого зарежут, и кому тогда от этого будет какая польза? Никому и никакая! Потому что сразу концы в воду. Поэтому нужно пока что молчать и больше он тем псам ни полсловечка не скажет! А то еще ночью дразнили: задушим, задушим! Тьфу, только и сказать, подумал Маркел дальше, но вслух, как всегда, ничего не сказал, а перешел через мост, вошел в кремль и дальше пошел к собору.

Возле собора стояла толпа, очень плотная, колокола звенели и звенели очень тягостно, а так все молчали и только от собора глухо доносилось пение – там отпевали. Маркел вошел в толпу и стал потихоньку проталкиваться вперед, к собору. Народ подавался очень неохотно, Маркел долго толкался, его в ответ тоже толкали, порой очень крепко, но Маркел на это не смотрел, а толкался дальше и наконец протолкался. И увидел, что собор закрыт, а на паперти стоят стрельцы с пищалями и к ним никто не смеет даже близко сунуться, такие они на вид грозные.

А Маркел не оробел и сунулся! Но без толку. Потому что когда он сказал, что ему нужно срочно в собор, что у него спешное дело до самого боярина, стрельцы его и слушать не стали, а просто молча загородились пищалями и стали теми же пищалями пихать его в грудь. Я, начал тогда Маркел, скажу на вас боярину, боярин вам шеи поскручивает, пропустите меня до него! Но стрельцы его не только не послушали, а уже не вдвоем, как вначале, а вчетвером спихнули его с паперти. И он отступил. Сзади него толпа молчала, как и раньше, а в соборе, как и раньше, отпевали, а сверху били колокола. День был погожий, даже жаркий. Маркел стоял и думал, что ведь отпоют же и он так ничего и не увидит. Да и разве бы чего увидел, рассмотрел бы, думал Маркел дальше, чтобы хоть немного успокоиться, ведь же когда покойный государь Иван в гробу лежал, разве можно было что увидеть? Да и как тогда было близко подходить и рассматривать, Бельский тебе рассмотрел бы! Но все равно, еще немного подождав, Маркел еще раз, но уже не так дерзко, а даже как будто робко поднялся на паперть и стал упрашивать стрельцов, чтобы его пустили, что его боярин отправлял по делу и теперь ждет его с ответом, а он не идет. Но и это стрельцов не смягчило, они сказали, что какое может быть другое дело важнее того, которым сейчас занят боярин, когда отпевают царское дитя. И Маркел отступился и сошел в толпу. А потом мало-помалу, потому что на душе было несладко, протолкался из толпы обратно и вышел, и там еще немного постоял в сторонке, а после совсем развернулся и пошел совсем к себе, то есть туда, где их вчера поселили, при этом по дороге думая, что разве ему больше всех надо или разве он и без этого дела мало чего знает и хочет узнать еще?

Нет, совсем не хочет, подумал он уже совсем в сердцах, заходя к себе, то есть в ту бывшую холопскую, и ложась на свою лавку, вторую слева от двери.

На соседней, третьей от двери, лежал Варлам, тоже подъячий, и то ли на самом деле крепко спал, то ли просто сделал вид, что не услышал, как вошел Маркел. Вот и славно, подумал на это Маркел, а то бы сейчас встал и начал спрашивать, а ты ему отвечай! А так хоть можно тихо полежать.

И так он лежал без всякой суеты довольно долго, потому что сперва было слышно, как перестали бить колокола, потом как разошелся народ, а потом стало так тихо, что просто не верилось. И еще вот что было удивительно: больше к ним туда никто не заходил и не тревожил их. Так и обед прошел, правда, еды не принесли. Ну да и ладно, леший с ней, в сердцах думал Маркел и лежал себе, полеживал, и думал, что такого дела он еще ни разу не видал, хотя как будто бы видал всякие. Да и, может, никакого дела уже нет, подумал он дальше. А что! Вчера же Яков прямо говорил: завтра домой поедem – вот уже и собирайся, и они все ушли собираться. А и в самом деле, что здесь еще делать? Все же они как один говорят, что здесь дело ясней ясного, царевич упал на нож и зарезался, а теперь его уже похоронили и отпели, какой тут еще может быть розыск, что и кого разыскивать, когда никто, все говорят, не виноват? Вот и заворачивай обратно! И, может, так даже лучше, подумал Маркел дальше, а то стал бы он разыскивать и разыскал бы, что царевича убили злые люди, а этих людей прислал Борис – и что тогда? Кому такой розыск надобен?! Э, тут же подумал Маркел и при этом даже взял себя рукой за шею и потрогал, крепка ли она...

Но тут вдруг открылась дверь, вошел какой-то человек, подошел к Маркелу и сказал:

– Вставай! Пошли!

– Куда? – спросил Маркел, вставая.

– Со мной! – сказал тот человек.

Маркел пошел за ним. Маркел не спрашивал, куда его ведут, потому что, думал, чего спрашивать, ведь же если сразу не сказали, то после тоже не скажут. Да он же и так уже чуял куда!

И он не ошибся. Долго его водил тот человек вверх, вниз и вправо, влево по лесенкам, ходам, сеням и переходам, а после ввел в большую и богато убранную горницу и, сам туда не входя, закрыл сзади за Маркелом дверь. Маркел остановился и сразу снял шапку, и так же сразу низко поклонился, потому что прямо перед ним лежал на мягкой лавке сам боярин Василий Иванович Шуйский и строго на него поглядывал. Боярин был в легкой маленькой домашней шапочке, очень богато расшитой, и в такой же легкой, очень тонкого сукна летней шубе, она тоже вся так и горела, и сапоги на нем были короткие и мягкие.

Зато смотрел боярин очень грозно! Маркел робко откашлялся.

– Молчишь! – сердито сказал Шуйский. – Ох, молчун!

Маркел опустил глаза и стал смотреть в пол. И еще подумал, что раз боярин такой гневный, то никуда они еще не едут, а надо вести розыск дальше, а вот куда его вести, боярину неизвестно! И он опять не ошибся, потому что Шуйский вновь заговорил, и уже не так грозно, а будто просто с обидой:

– Мне князь Семен тебя крепко нахваливал. Глаз, говорил, у тебя на сажень под землю видит. И через стену так же. – И тут Шуйский замолчал. А потом вдруг спросил: – А здесь ты что увидел? Почему молчишь?!

Маркел поднял голову и посмотрел на Шуйского, прямо ему в глаза, а после опять опустил и сказал:

– Так когда еще было смотреть? Да и не успел я. Да и не через всякую я стену вижу. И не через всякую землю.

– О! – сказал Шуйский. – Вот как! – И строго добавил: – Говори яснее! Не вилай!

– А я и не виляю, государь боярин, – сказал Маркел, уже глядя прямо на Шуйского. – А я только говорю, что спрости у меня прямо и я также прямо отвечу.

– О! – уже совсем сердито сказал Шуйский. – Прямо! А вот и прямо, если хочешь! Вот мы сюда приехали, а здесь царевич лежит мертвый. Одни говорят, будто его зарезали, а другие – будто он сам зарезался. А ты что на это скажешь? Что ты видишь?

– А мне не дали посмотреть, – сказал Маркел. – Меня даже в храм не пустили. Как я могу теперь чего сказать?

Шуйский насупился, задумался, после сказал:

– А что бы ты увидел, если бы смотрел?

– А то, – сказал Маркел, – что если его зарезали, то рана была бы резаная, длинная, потому что резали ножом, а вот если бы он на сваю накололся, то рана была бы маленькая, колотая. – И тут же спросил: – А так она была какая?

– Какая? – тоже было спросил Шуйский, но тут же спохватился и нахмурился, опять подумал и сказал: – А ведь и верно. А я не подумал.

А Маркел опять сказал:

– А теперь что! А теперь поздно. Не плиту же теперь поднимать.

– Тьфу, тьфу! – сердито сказал Шуйский. – Ты у меня не очень-то!

Маркел согласно кивнул, помолчал, а после уже так спросил:

– Царевич в чем лежал?

– В платне, – сказал Шуйский. – Платно длинное, до пят. Всё золотое, в камнях. А здесь, на горле, бармы, горла было не видать совсем.

– Вот, – сказал Маркел, – я так и думал. Переодели его. Потому что он тогда был совсем не так одет. Он тогда в белой рубахе был, в атласной.

– Откуда ты это знаешь? – спросил Шуйский.

– Как откуда! – повторил Маркел. – Ведь как же все рассказывают? Что эти подошли к нему, и Осип говорит: какое на тебе ожерельице, государь, славное, дай посмотреть! И вот если на нем было ожерельице, так ведь же не бабье, на шею, а наше, на ворот, а ворот на рубахе, а рубаха у царевича какая? – не посконная, атласная, а если сказали, что лежал как голубок, значит, она была белая, потому что ни на красной, ни на синей кровь так бы не была видна. Ведь так?

Шуйский помолчал, похмурился, после сказал:

– Ну, может, и так, я не знаю. Только какая нам с этого польза?

– Великая, – сказал Маркел. – Потому что... – И тут он на всякий случай осмотрелся, после подступил ближе к боярину и очень негромко добавил: – Теперь надо только узнать, кто его обмывал, и у того спросить, какая была рана.

Сказав это, Маркел отступил и посмотрел на Шуйского. Шуйский же еще сильнее помрачнел, после чего спросил:

– А дальше что?

– Как что! – удивился Маркел. – Наверняка знать будем!

– Нет, – сказал Шуйский. – Не будем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.